

*Роберт Лэнгдон —
герой «Кода да Винчи»
и «Ангелов и демонов» —
раскрывает величайшую
тайну масонов!*

BROWN
ДЭН
БРАУН

**УТРАЧЕННЫЙ
СИМВОЛ**

The International Bestseller

Annotation

Приключения Роберта Лэнгдона продолжаются.

На этот раз ему предстоит разгадать величайшую тайну масонов, которая способна изменить мир.

Веками хранимые секреты, загадочные знаки и символы – и смертельно опасное путешествие по лабиринтам прошлого...

Дэн Браун
Утраченный символ

Посвящается Блайт

От автора

Огромное спасибо трем дорогим друзьям, с которыми я имел счастье работать: редактору Джейсону Кауфману, литагенту Хайди Ланге и консультанту Майклу Радделу. Также хочу поблагодарить издательство «Даблдей», моих издателей по всему миру и, разумеется, читателей.

Я бы никогда не написал этот роман, если бы не помощь бесчисленных знатоков и экспертов. Всем вам я выражаю глубочайшую признательность.

Жить в мире, не стремясь понять его смысл, – все равно что расхаживать по огромной библиотеке и не трогать книги.

*Мэнли П. Холл. Тайные учения всех времен и народов,
предисловие к изданию 1975 года*

Факт

В 1991 году в сейф директора ЦРУ поместили некий документ, который хранится там и по сей день. В загадочном тексте упоминаются древний портал и подземный тайник. Также в нем можно найти фразу «Оно сокрыто где-то там».

Все организации, фигурирующие в этой книге, реальны – включая братство масонов, Невидимый колледж, Службу безопасности ЦРУ, Центр технической поддержки Смитсоновского музея (ЦТП СМ) и Институт ноэтических наук.

Все ритуалы, научные исследования, произведения искусства и памятники также существуют на самом деле.

Масонский храм, 20:33

«Секрет в том, как умереть».

С самого начала времен это было главной тайной.

Тридцатичетырехлетний соискатель рассматривал человеческий череп, внутри которого алело вино.

«Пей, – мысленно сказал он себе. – Бояться нечего».

По традиции соискатель начал свой путь в ритуальном облачении средневекового еретика, приговоренного к повешению: свободная рубаша распахнута на груди, левая штанина закатана до колена, правый рукав подвернут до локтя, а на шее тяжелая петля – «вервие». Но сегодня он, как и остальные присутствующие, был в одежде мастера.

Вокруг стояли братья в полном облачении: запонах из кожи ягненка, поясах и белых перчатках. Церемониальные медали мерцали в тусклом свете, точно глаза призраков. В обычной жизни многие из этих людей занимали очень высокие посты, однако тут их мирские должности ничего не значили. Здесь все были равны: названные братья, объединенные мистическими узлами.

Окинув взглядом собравшихся, соискатель невольно удивился, как столько влиятельных людей могло оказаться в одном месте... тем более в таком месте. Зал напоминал древнее святилище.

Впрочем, истина была еще удивительнее.

«Я всего в нескольких кварталах от Белого дома».

Грандиозный особняк на северо-западе Вашингтона, по адресу Шестнадцатая улица, 1733 представляет собой копию дохристианского храма царя Мавсола – той самой усыпальницы, от названия которой произошло современное слово «мавзолей». Снаружи два семнадцатитонных сфинкса охраняют бронзовые ворота; внутри – богато украшенный лабиринт обрядных залов, палат, библиотек и запечатанных гробниц; имеется даже полая стена, в которой замурованы два скелета. Соискателю сказали, что в каждой комнате здания кроется тайна, но он знал: самая важная из них хранится в зале, где он сейчас преклонил колена, бережно сжимая в ладонях череп с вином.

Храмовый зал.

Гулкий, как пещера. По периметру – идеальный квадрат. Потолок, поддерживаемый монолитными колоннами зеленого гранита, возносится на головокружительную – в сто футов – высоту. Вдоль стен выстроились ярусные скамьи темного дерева с сиденьями из свиной кожи ручной выделки. У западной стены возвышается тридцатифутовый трон, а напротив – потайной орган. Стены украшает калейдоскоп древних символов: египетских, древнееврейских, астрономических, алхимических и прочих, соискателю пока неизвестных.

Сегодня Храмовый зал освещали расставленные особым образом свечи. Неяркое пламя и лунный свет, падавший сквозь большое окно в потолке, выхватывали из темноты самое поразительное украшение зала: громадный алтарь, вытесанный из глыбы бельгийского черного мрамора. Он помещался ровно посередине квадратного чертога.

«Секрет в том, как умереть», – вновь напомнил себе соискатель.

– Пора, – шепнул кто-то.

Соискатель робко поднял глаза на высокопоставленного человека в белом облачении.

«Досточтимый Мастер».

Национальный кумир, любимец народа, крепкий, бодрый и несказанно богатый. В некогда темных волосах серебрилась седина, а весь облик Мастера выражал силу и живой ум.

– Принеси обязательство, – негромко сказал Досточтимый Мастер. – Заверши свой путь.

Путь соискателя, как и все подобные пути, начался с посвящения в первую степень, или градус. Тогда, во время похожей церемонии, Досточтимый Мастер завязал глаза посвящаемого бархатной повязкой и, прижав к его обнаженной груди ритуальный кинжал, спросил:

– Истинно ли говоришь, не имея корыстных или иных нечестивых помыслов, что по доброй воле и без принуждения становишься соискателем тайн и благ сего братства?

– Да, – солгал посвящаемый.

– Так пусть это обязательство обернется жалом и сразит тебя насмерть, посмей ты единожды предать доверенную тебе тайну, – предостерег его Мастер.

Тогда соискатель не испугался.

«Им ни за что не узнать моих истинных целей».

Сегодня, однако, он почувствовал в Храмовом зале зловещую торжественность и невольно стал прокручивать в голове все страшные предостережения, какие получал на пути, все обещания кошмарных мук, грозящих тому, кто посмеет выдать древние тайны: горло, перерезанное от уха до уха... вырванный с корнем язык... вырезанные и сожженные дотла внутренности, развеянные затем на четырех ветрах небесных.

– Брат, – сказал сероглазый Мастер, кладя руку на мускулистое плечо соискателя, – принеси последнее обязательство.

Собравшись с духом перед последним шагом на пути, соискатель вновь посмотрел на череп. В тусклом свете алое вино казалось почти черным. В зале воцарилась гробовая тишина, и соискатель почувствовал на себе взгляды собравшихся: все ждали, когда он принесет обязательство и пополнит ряды избранных.

«Сегодня, – подумал он, – в этих стенах свершится то, чего не случилось за всю историю братства. Ни разу, никогда».

Вспыхнет искра... которая наделит его неизмеримой властью.

Приободрившись, соискатель глубоко вдохнул и произнес те же слова, что произносили тысячи людей по всему миру:

– Пусть вино это станет смертельным ядом... если когда-нибудь я умышленно или сознательно нарушу свое обязательство.

Слова эхом отозвались в гулком зале.

Потом повисла тишина.

Соискатель поднес череп ко рту и тронул губами сухую кость. Он закрыл глаза и стал наклонять сосуд, делая большие глотки. Допив вино до последней капли, он опустил череп.

На миг ему почудилось, будто легкие сдавило, а сердце бешено застучало в груди.

«Господи, они все знают!..»

Но вскоре это чувство прошло – так же быстро, как возникло.

По телу разлилось приятное тепло. Соискатель выдохнул и мысленно улыбнулся ничего не подозревавшему сероглазому человеку, который только что по глупости принял его в тайные ряды своего братства.

«Скоро вы потеряете все, чем дорожите».

Глава 1

В лифт «Отис», поднимавшийся по южной опоре Эйфелевой башни, плотно набились туристы. Строгий бизнесмен в свежевыглаженном костюме посмотрел на стоявшего рядом мальчика.

– Сынок, ты что-то побледнел. Надо было оставить тебя внизу.

– Все хорошо... – ответил мальчик, пытаясь совладать с тревогой. – Сейчас лифт остановится, и я выйду.

«Мне нечем дышать!»

Отец нагнулся и с любовью погладил сына по щеке.

– Я думал, ты давно справился с этим страхом.

Мальчику было стыдно огорчать папу, но в ушах так звенело, что он едва расслышал его голос. «Мне нечем дышать. Скорей бы вылезти из этой коробки!» Лифтер пытался его успокоить, болтая что-то о двухэлементных поршнях и конструкциях из пудлингового железа. Далеко внизу тянулись во все стороны парижские улицы.

«Почти приехали. – Мальчик вытянул шею и увидел платформу. – Еще чуть-чуть».

Лифт наклонился, устремившись к обзорной площадке, и шахта начала сужаться: массивные балки сомкнулись в тесный вертикальный туннель.

– Пап, я...

Внезапно наверху что-то оглушительно треснуло. Лифт дернулся и покосился, потертые тросы хлестнули по стенкам кабины, точно змеи. Мальчик потянулся к отцу.

– Пап!

На один ужасный миг их глаза встретились.

А потом дно ушло из-под ног.

* * *

Роберт Лэнгдон подскочил на мягком кожаном сиденье, стряхнув остатки сна. Он был один в огромном салоне частного реактивного самолета «Фалкон 2000EX», который сейчас боролся с турбулентностью. На заднем плане ровно гудели двигатели «Пратт энд Уитни».

– Мистер Лэнгдон, – раздался над головой трескучий голос, – мы подлетаем.

Лэнгдон выпрямился и убрал распечатку с лекцией в кожаный портфель. Сон настиг Лэнгдона на середине статьи о масонской символике. По-видимому, о покойном отце напомнило неожиданное приглашение от Питера Соломона, полученное утром. Питер был давним наставником Роберта.

«Второй человек после отца, которого мне не хочется расстраивать».

Пятидесятивосьмилетний меценат, историк и ученый взял Лэнгдона под свое крыло почти тридцать лет назад, во многом заменив юноше умершего отца. Несмотря на внушительное состояние и принадлежность к влиятельной семье, серые глаза Соломона всегда лучились смирением и теплом.

Солнце уже село, но Лэнгдон по-прежнему видел четкие очертания самого высокого в мире обелиска, взмывающего в небо подобно античному гномону. Облицованная белым мрамором колонна высотой в пятьсот пятьдесят пять футов отмечала собой место, где бьется

сердце нации. От обелиска в сложном переплетении расходились улицы столицы.

Даже с воздуха Лэнгдон чувствовал почти мистическую мощь Вашингтона. Он любил этот город и, как только самолет коснулся земли, ощутил в груди приятное волнение. Самолет вырулил к частной стоянке, расположенной где-то на просторах международного аэропорта Даллеса, и остановился.

Лэнгдон собрал вещи, поблагодарил пилотов и вышел из роскошного салона на трап. Холодный январский воздух дарил чувство приятной свободы.

«Дыши, Роберт», – подумал он, с наслаждением окидывая взглядом открытое пространство.

Белый туман сплошным покровом стелился по взлетно-посадочной полосе, и Лэнгдону показалось, что он ступает не на асфальт, а в болото.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – раздался певучий женский голос с британским акцентом. – Профессор Лэнгдон!

Радостно махая рукой, к нему спешила женщина средних лет, с бейджиком на груди и блокнотом в руках. Из-под стильной вязаной шапочки выбивались волнистые светлые кудри.

– Добро пожаловать в Вашингтон, сэр!

Лэнгдон улыбнулся.

– Спасибо.

– Меня зовут Пэм, я из пассажирской службы! – Она тараторила с таким жаром, что Лэнгдону стало чуть-чуть неловко. – Пойдемте, машина уже ждет.

Он пошел за ней к терминалу авиаслужбы «Сигначер», окруженному новенькими частными самолетами.

«Стоянка для богатых и знаменитых».

– Простите за беспокойство, профессор, – робко проговорила женщина, – но вы тот самый Роберт Лэнгдон, который пишет о символах и религии?

Помедлив, он кивнул.

– Так и знала! – просияла Пэм. – Мы в книжном клубе недавно читали вашу книгу о священном женском начале и церкви. Какой был чудесный скандал! Любите же вы наделать шуму!

– Я не шума добивался, – с улыбкой ответил Лэнгдон.

Пэм почувствовала, что он не настроен говорить о работе.

– Извините, что-то я совсем заболталась. Вам, верно, ужасно надоело, что вас везде узнают... Но тут вы сами виноваты! – Она игриво покосилась на его одежду. – Форма выдает вас с головой.

Форма? Лэнгдон окинул себя взглядом. На нем были привычная темная водолазка, твидовый пиджак, брюки цвета хаки и мокасины кордовской кожи – так он всегда одевался, идя на встречи, лекции, фотосессии и светские мероприятия.

Пэм рассмеялась.

– Эти водолазки страшно устарели! В галстук вы бы выглядели более стильно.

«Вот еще, – подумал Лэнгдон. – Только петли на шее мне не хватало!»

В колледже с громким названием Академия Филипс-Эксетер Роберту приходилось шесть дней в неделю носить галстук. Несмотря на романтические представления директора о том, что современный галстук происходит от римского шелкового платка, которым ораторы согревали голосовые связки, Лэнгдон знал: английское слово «cravat», галстук, произошло от «Croat», хорват. Свирепые хорватские наемники, прежде чем ринуться в бой, всегда

повязывали на шею платок. Ну а в наши дни этот элемент военного обмундирования носят конторские воители – в надежде запугать врага в ежедневных офисных битвах.

– Спасибо за совет, – усмехнувшись, ответил Лэнгдон. – В следующий раз буду иметь в виду.

На его счастье, впереди показался элегантный «линкольн-таункар», из которого вышел представительный мужчина в темном костюме.

– Мистер Лэнгдон? Меня зовут Чарльз, я из компании «Белтуэй лимузин». – Он услужливо открыл дверь. – Добрый вечер, сэр. Добро пожаловать в Вашингтон.

Лэнгдон оставил Пэм чаевые за радушный прием и сел в шикарный салон «линкольна». Водитель показал ему регулятор температуры, воду и корзинку со свежайшими булочками. Несколько секунд спустя машина выехала с территории аэропорта по частной трассе. «Так вот как живет другая половина!»

Гоня машину по Виндсок-драйв, водитель заглянул в путевой лист и сделал короткий звонок.

– «Белтуэй лимузин», – деловым тоном сказал он в трубку. – Меня просили позвонить, когда я заберу клиента. – Он помолчал. – Да, сэр. Ваш гость, мистер Лэнгдон, прибыл, и к семи вечера я доставлю его в Капитолий. Рад помочь, сэр.

Лэнгдон улыбнулся.

«Все-то у него предусмотрено».

Питер Соломон легко и непринужденно распоряжался немалой властью, не забывая, однако, ни мельчайшей детали.

«Впрочем, несколько миллиардов долларов на счете делу не мешают».

Лэнгдон откинулся на спинку роскошного кожаного сиденья и закрыл глаза. Шум аэропорта постепенно стихал – через полчаса они уже подъедут к Капитолию, а пока хорошо бы собраться с мыслями. События разворачивались так стремительно, что Лэнгдон только сейчас осознал, какой необыкновенный вечер его ждет.

«Прибыл под покровом тайны», – весело подумал он.

В десяти милях от Капитолия между тем старательно готовились к приезду Роберта Лэнгдона.

Человек, называвший себя Малахом, прижал кончик иглы к бритой голове: острое пронзило плоть, и он с наслаждением вздохнул. Тихое гудение машинки манило и завораживало... как и укусы иглы, проникавшей глубоко под кожу и оставлявшей там краску.

«Я – шедевр».

Татуировки никогда не делались ради красоты. Их накалывали, чтобы измениться: нателные рубцы нубийских жрецов за два тысячелетия до нашей эры, татуировки служителей культа Кибелы в Древнем Риме, современные маори и их шрамы «моко»... Испокон веков люди татуировали тело, словно принося его в жертву с целью выдержать испытание болью и преобразиться.

Вопреки грозным предписаниям Книги Левит (19:28), запрещавшим наносить на тело отметины, татуировки стали обычным делом для миллионов современных людей – от модничающих подростков до отпетых наркоторговцев и провинциальных домохозяек.

Это стало способом заявить миру о своем могуществе: «Я властен над своей плотью». Упоительное чувство власти, возникающее при физическом перевоплощении, подтолкнуло миллионы людей к тому, чтобы различными способами изменять внешний вид: пластической хирургии, пирсингу, бодибилдингу, стероидам... даже булимии и смене пола.

«Человеческий дух жаждет власти над материальной оболочкой».

Раздался бой напольных часов, и Малах поднял глаза. Половина седьмого. Отложив инструменты, он завернулся в шелковое кимоно и вышел в коридор. Воздух шикарного особняка был напоен резким ароматом красок и дыма восковых свечей, которыми Малах стерилизовал иглы. Рослый молодой человек прошел по коридору мимо бесценного итальянского антиквариата: гравюры Пиранези, стула Савонаролы, серебряной лампы Бугарини.

По дороге он бросил взгляд сквозь большое, во всю стену, окно и полюбовался классическим видом: сияющий купол Капитолия светился мрачной силой на фоне темного зимнего неба.

«Оно сокрыто где-то там», – подумал Малах.

Об этом знало всего несколько человек. Еще меньше людей имели представление о грандиозной силе, которой обладало сокровище, и о том, как хитроумно его спрятали. По сей день это оставалось величайшей тайной страны. Те немногие, кто знал истину, утаивали ее под покровом символов, легенд и аллегорий.

«Теперь они открыли мне двери», – подумал Малах.

Три недели назад, пройдя таинственный ритуал, на котором присутствовали влиятельнейшие лица Америки, он был посвящен в тридцать третью степень – высшую степень самого древнего братства на планете. Несмотря на новый градус, братья ничего не открыли Малаху. И не откроют, он это понимал. Так не бывает. Малах мог ждать сколь угодно долго, но все равно не заслужить их полного доверия.

К счастью, в доверии братьев он больше не нуждался.

«Посвящение уже сыграло свою роль».

В радостном предвкушении грядущих событий Малах зашагал в спальню. Из установленных по всему дому динамиков звучала редкая запись: «Вечный свет» из «Реквиема» Верди в исполнении кастрата – напоминание о прошлой жизни. Малах включил

громоподобный «Судный день» и под грохот литавр и параллельных квинт легко взлетел по мраморной лестнице; полы кимоно развевались за его спиной.

Желудок недовольно заурчал. Вот уже два дня Малах постился и пил одну воду – готовил свое тело согласно древним обычаям.

«К рассвету я утолю голод, – напомнил он себе. – И жажду мести тоже».

Малах почтительно вошел в спальное святилище и притворил за собой дверь. Подойдя к гардеробной, он остановился перед огромным зеркалом в золоченой раме. Не в силах противиться соблазну, Малах посмотрел на свое отражение и медленно, словно разворачивая бесценный дар, развел в стороны полы кимоно. От увиденного перехватило дыхание.

«Я – шедевр».

Крупное тело было гладко выбрито. Сперва Малах посмотрел на свои ступни, татуированные чешуей и когтями ястреба, затем перевел взгляд на мускулистые ноги, расписанные в виде резных колонн – левая со спиральными бороздами, правая с вертикальными.

«Боаз и Яхин».

Пах и живот образовывали резную арку, а на мощной груди расправил крылья двуглавый феникс... глаза птицы приходились точно на соски. Плечи, шею, лицо и бритую голову Малаха покрывало затейливое кружево символов и оккультных знаков.

«Я – артефакт; совершенствующийся идол».

Один-единственный смертный видел его обнаженным; это было восемнадцать часов назад. Человек в ужасе закричал: «Да ты же демон!»

– Считаю меня кем угодно, – ответил Малах, понимая, как и люди древности, что ангелы и демоны суть одно и то же, взаимозаменяемые архетипы, разница лишь в полярности: ангел-хранитель, одолевший твоего врага в битве, побежденному видится демоном-разрушителем.

Малах опустил голову и краем глаза увидел свою макушку – там, внутри венца, сиял бледный кружок кожи. Это тщательно оберегаемое полотно было единственным нетронутым участком на его теле. Священная пустота терпеливо дожидалась своего часа... и сегодня она будет заполнена. Малах еще не получил то, что требовалось для завершения шедевра, но этот миг стремительно приближался.

От увиденного Малах воспрянул духом и ощутил прилив сил. Он запахнул кимоно, подошел к окну и посмотрел на таинственный город.

«Оно сокрыто где-то там».

Малах сосредоточился на предстоящей задаче, подошел к туалетному столику и аккуратно наложил на лицо, голову и шею тональный крем – татуировки исчезли. Затем он надел заранее подготовленный костюм и несколько предметов, тщательно подобранных для этого вечера. Закончив, Малах еще раз взглянул в зеркало и с довольной улыбкой погладил себя по гладко выбритой голове.

«Оно где-то там. И сегодня кое-кто поможет мне его найти».

Выходя из дома, Малах морально подготовился к событию, которое должно было потрясти Капитолий. Он не остановился ни перед чем, чтобы собрать все необходимое для действия.

И теперь наконец в игру вступила последняя пешка.

Шуршание автомобильных шин по асфальту вдруг изменилось. Роберт Лэнгдон оторвался от чтения и с удивлением поднял глаза.

«Уже Мемориальный мост?»

Лэнгдон отложил заметки и взглянул на спокойные воды реки Потомак. Над гладью висело тяжелое марево. Район Фогги-Боттом, оправдывая свое название «туманной долины», всегда казался Лэнгдону неподходящим местом для строительства столицы: в распоряжении отцов-основателей был весь Новый Свет, а они заложили краеугольный камень утопического общества на прибрежной топи.

Лэнгдон взглянул на изящные округлые очертания американского пантеона – Мемориала Джефферсона. Впереди возвышался строгий Мемориал Линкольна, своими прямыми линиями напоминая афинский Парфенон. Но главное украшение города было дальше – тот самый обелиск, который Лэнгдон увидел еще с воздуха. Его создателей вдохновили не греки и не римляне, а куда более древняя цивилизация.

«Египетский обелиск Америки», – подумал Лэнгдон.

Монолитная колонна взмывала высоко вверх подобно величественной корабельной мачте. Лэнгдон смотрел на нее под углом, и оттого казалось, что обелиск не стоит на земле, а качается в пасмурном небе, как на зыбких волнах. Профессор тоже словно потерял землю под ногами. Сегодняшний приезд в Вашингтон был очень неожиданным.

«Я собирался тихо-мирно отдохнуть дома... а теперь вот подъезжаю к вашингтонскому Капитолию».

Утро началось как всегда: без четверти пять он погрузился в абсолютно спокойную воду гарвардского бассейна и проплыл два с половиной километра по пустым дорожкам. Конечно, Лэнгдон выглядел куда лучше в студенческие годы, когда играл в сборной США по водному поло, но для мужчины за сорок вид у него был подтянутый и бодрый. Разница заключалась лишь в количестве времени и сил, уходивших на поддержание формы.

Приехав домой в шесть, он приступил к утреннему ритуалу и начал молоть суматранский кофе, с удовольствием вдыхая экзотический аромат. Однако почти сразу его внимание привлек мигающий огонек автоответчика. Странно. Кто мог звонить ему в шесть утра воскресенья?

Лэнгдон нажал кнопку и прослушал сообщение.

– Доброе утро, профессор Лэнгдон! Простите за столь ранний звонок. – Вежливый молодой человек явно робел и говорил с едва заметным южным акцентом. – Меня зовут Энтони Желбарт, я секретарь-референт Питера Соломона. Мистер Соломон сказал, что вы рано просыпаетесь... он хотел бы как можно скорее с вами связаться. Будьте добры, перезвоните ему, как только получите это сообщение. У вас наверняка есть его прямой номер, но на всякий случай продиктую: 202-329-5746.

Лэнгдон вдруг встревожился. Его старый друг, безукоризненно воспитанный и учтивый Питер Соломон, никогда бы не позвонил в такую рань без очень серьезного повода. Бросив недомолотый кофе, Лэнгдон поспешил в кабинет.

«Надеюсь, у него все хорошо».

Несмотря на незначительную разницу в возрасте – двенадцать лет, – Питер Соломон был ему не только другом и наставником, но и заменил отца. Они познакомились в

Принстонском университете: учившегося на втором курсе Лэнгдона пригласили на лекцию известного молодого историка и мецената. Представляя вниманию слушателей чарующий образ семиотики и архетипической истории, Соломон читал лекцию с заразительным азартом и заронил в душу Лэнгдона то, что позднее стало главной страстью всей его жизни. Впрочем, не блестящий ум Питера, а доброта его серых глаз подвигла Роберта написать ему письмо с благодарностями за лекцию. Молодой студент не надеялся получить ответ от одного из состоятельнейших и влиятельнейших американских интеллектуалов, однако Соломон ответил. Так началась весьма приятная для обоих дружба.

Знаменитый преподаватель и очень скромный человек, он происходил из чрезвычайно богатой семьи Соломонов – их имена можно было увидеть на многих зданиях и на памятных досках многих университетов страны. Подобно европейским Ротшильдам, семейство Соломонов окружал некий мистический ореол богатства и успеха, и сама фамилия указывала на принадлежность к избранным слоям американского общества. Еще в молодости Питер унаследовал состояние и связи отца и к пятидесяти восьми годам занимал бесчисленное множество высоких постов. Роберт периодически подтрунивал над единственным пятном в его безупречной родословной: дипломом «второсортного» университета, Йеля.

Войдя в кабинет, Лэнгдон с удивлением обнаружил, что Питер прислал ему еще и факс.

Офис секретаря Смитсоновского института
Питера Соломона

Доброе утро, Роберт.

Мне надо немедленно с тобой поговорить. Пожалуйста, позвони как можно скорее по номеру 202-329-5746.

Питер.

Лэнгдон сразу же набрал номер и сел за письменный стол ручной работы.

– Офис Питера Соломона, – прозвучал знакомый голос. – Энтони Джелбарт. Чем могу помочь?

– Здравствуйте, это Роберт Лэнгдон. Вы оставили мне сообщение...

– Да-да, профессор Лэнгдон! – с явным облегчением воскликнул молодой человек. – Спасибо, что так быстро перезвонили. Мистер Соломон очень хотел с вами поговорить. Сейчас я вас соединю. Побудете немного на линии?

– Конечно.

Дождаясь ответа Соломона, Лэнгдон с улыбкой посмотрел на бланк Смитсоновского института.

«Уж кого-кого, а лодырей в клане Соломонов нет».

Генеалогическое древо Питера украшали многочисленные имена преуспевающих магнатов, влиятельных политиков и нескольких выдающихся ученых – некоторые даже были членами Лондонского королевского общества. Единственная оставшаяся в живых родственница Питера, сестра по имени Кэтрин, унаследовала «научный» ген: она была ведущим специалистом в передовой области человеческих знаний под названием «ноэтика».

«Для меня это все китайская грамота», – подумал Лэнгдон, припомнив, как год назад, на

приеме в доме Питера, Кэтрин пыталась объяснить ему суть ноэтики. Лэнгдон внимательно выслушал Кэтрин, а потом ответил:

– Больше смахивает на магию, чем на науку.

Кэтрин игриво подмигнула и заметила:

– Они связаны теснее, чем вы думаете.

В трубке опять зазвучал голос секретаря:

– Простите, у мистера Соломона сейчас телефонное совещание. Никак не может освободиться. Сегодня у нас все на ушах стоят!

– Ничего страшного, я перезвоню.

– Видите ли, он попросил ввести вас в курс дела. Вы позволите?

– Конечно.

Секретарь глубоко вдохнул.

– Как вам наверняка известно, ежегодно в знак признательности нашим щедрым благодетелям Смитсоновский институт устраивает торжественный вечер, на который съезжаются многие представители культурной элиты.

Лэнгдон знал, что по количеству ноликов в банковском счете недотягивает до культурной элиты. Впрочем, Питер все равно мог его пригласить.

– По традиции перед торжественным ужином ежегодно произносится программная речь. Специально для нее Смитсоновскому институту выделили Национальный скульптурный зал.

«Лучший зал в Вашингтоне», – подумал Лэнгдон, вспомнив роскошное помещение, где однажды слушал лекцию о политике: в огромном зале, где вдоль стен красуются тридцать восемь статуй выдающихся американцев, идеальным полукругом расставили пятьсот складных стульев. Когда-то в Скульптурном зале заседала палата представителей.

– Загвоздка вот в чем, – продолжал молодой человек. – Лектор заболела и только что сообщила нам, что не сможет выступить. – Он умолк, потом продолжил: – Мы спешно ищем ей замену. Мистер Соломон очень на вас надеется.

Лэнгдон ответил не сразу.

– На меня?! – Такого он точно не ожидал. – Питер может подыскать более достойную кандидатуру!

– Он сразу предложил вас. Профессор, не скромничайте. Наши гости будут в восторге от вашего выступления. Мистер Соломон просит вас прочитать ту же лекцию, что и на канале «Букспэн-ТВ», это было несколько лет назад, помните? Вам даже не надо будет готовиться. Вы рассказывали о символах в архитектуре нашей столицы... прекрасная тема для такого вечера.

Лэнгдон в этом сомневался.

– Если мне не изменяет память, речь шла скорее о масонской истории здания, нежели...

– Вот именно! Насколько вам известно, мистер Соломон – масон, как и многие его друзья, приглашенные на вечер. Поверьте, они с удовольствием выслушают вашу лекцию.

«В общем-то ничего сложного», – решил Лэнгдон. Все лекционные материалы он хранил дома.

– Что ж, я подумаю. Какого числа мероприятие?

Секретарь смущенно кашлянул.

– Видите ли, сэр, оно состоится сегодня.

Лэнгдон расхохотался:

– Сегодня?!

– Поэтому мы и всполошились. Институт попал в очень неловкое положение... –

Секретарь заговорил быстрее: – Мистер Соломон готов прислать в Бостон частный самолет. Полет займет всего час, и к полуночи вы вернетесь домой. Знаете терминал деловой авиации в Бостонском аэропорту имени Логана?

– Найду, – неохотно признал Лэнгдон.

«Неудивительно, что Питер всегда добивается желаемого».

– Чудесно! Сможете подъехать туда, скажем... к пяти часам?

– Ну, ничего другого мне не остается! – усмехнулся Лэнгдон.

– Я просто хочу порадовать мистера Соломона, сэр.

«Питера все хотят порадовать», – подумал Лэнгдон и, не видя другого выхода, сказал:

– Хорошо, передайте ему, что я согласен.

– Замечательно! – с огромным облегчением воскликнул секретарь. Он сообщил Лэнгдону хвостовой номер самолета и прочую необходимую информацию. Интересно, Питеру Соломону хоть кто-нибудь отказывал?

Вернувшись к кофемолке, Лэнгдон подкинул в нее зерен. «Лишний кофеин сегодня не повредит, – подумал он. – День предстоит трудный».

Величественное здание Капитолия расположено у восточной оконечности Эспланады, на плоской возвышенности, которую городской архитектор Пьер Ланфан назвал «пьедесталом в ожидании монумента». Размеры участка впечатляют: больше семисот пятидесяти футов в длину и трехсот пятидесяти в ширину. Площадь внутренних помещений Капитолия превышает шестнадцать акров; здание насчитывает пятьсот сорок одну комнату. Неоклассическая архитектура следует образцам Древнего Рима, идеалы которого немало послужили основателям Америки для создания законов и культуры новой страны.

Новый пост охраны Капитолия расположен под землей, в недавно законченном экскурсионном центре, под великолепным стеклянным сводом.

Недавно принятый на работу охранник Альфонсо Нуньес внимательно рассматривал приближающегося посетителя. Бритоголовый мужчина несколько минут простоял в вестибюле, заканчивая телефонный разговор. Его правая рука висела на перевязи, а сам он слегка прихрамывал. Судя по изношенной армейской куртке и наголо обритой голове, к посту охраны шел военный. Военнослужащих на улицах Вашингтона всегда хватало.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Нуньес, следуя протоколу службы безопасности, который предписывал обращаться к любому посетителю мужского пола, входившему без спутников.

– Здравствуйте, – сказал незнакомец, осматриваясь в почти пустом помещении. – Сегодня у вас тихо.

– Финал Национальной футбольной лиги, – пояснил Нуньес. – Весь город болеет за «Редскинз».

Нуньес тоже хотел посмотреть матч, но ему, как новичку, пришлось заступить именно в эту смену.

– Выложите все металлические предметы на поднос, пожалуйста, – сказал он.

Посетитель начал одной рукой выкладывать из карманов вещи, а Нуньес внимательно за ним наблюдал. Человек невольно делает поблажки калекам и раненым, однако Нуньеса научили не доверять этому инстинкту.

Он дождался, пока бритоголовый выложит на поднос обычный набор: завалявшуюся в карманах мелочь, ключи и два мобильного.

– Растяжение? – спросил он, посмотрев на больную руку посетителя, обернутую несколькими слоями эластичного бинта.

Бритый кивнул:

– Поскользнулся на льду. Неделю назад. До сих пор болит, зараза.

– Сожалею. Проходите, пожалуйста.

Посетитель прошел через детектор, и машина возмущенно запищала.

Он нахмурился.

– Так и знал! У меня перстень под повязкой, врачи не смогли снять, потому что палец распух.

– Не страшно, – сказал Нуньес. – Я проверю металлоискателем.

Он провел жезлом по перевязи. Единственным подозрительным предметом оказался металлический предмет на безымянном пальце бритого. Нуньес кропотливо обследовал металлоискателем каждый дюйм повязки и пальцев. За ним наверняка внимательно следили из пункта наблюдения, а ему не хотелось терять работу.

«Лучше перестраховаться».

Он осторожно засунул жезл под перевязь, и бритоголовый скривился от боли.

– Извините.

– Ничего. Время сейчас такое – осторожность не повредит.

– Ваша правда.

Нуньесу посетитель понравился. Как ни странно, здесь с такими вещами считались – наитие стало основным подспорьем американцев в борьбе с терроризмом. Ученые доказали, что интуиция помогает установить угрозу куда лучше любого прибора. «Дар страха» – так это называлось в каком-то справочнике по безопасности.

Все инстинкты Нуньеса молчали. Подойдя ближе, он заметил единственную странность: бритоголовый здоровяк намазал лицо и голову каким-то кремом – то ли тональным, то ли маскирующим.

«Подумаешь! Кому же хочется зимой ходить бледным?»

– Все нормально, – сказал Нуньес, убирая жезл.

– Спасибо.

Посетитель начал раскладывать вещи по карманам, и тут Нуньес заметил на кончиках пальцев его больной руки татуировки: корону на указательном и звезду на большом. «Нынче все делают себе наколки», – подумал он. Хотя подушечки пальцев – уж очень чувствительное место.

– Больно было?

Здоровяк посмотрел на пальцы и хохотнул:

– Меньше, чем вы думаете!

– Везет, – сказал Нуньес. – Моя жутко болела. В учебке мне накололи на спине русалку.

– Русалку? – усмехнулся бритый.

– Ну да, – смутился Нуньес. – Ошибки молодости...

– Понимаю. Я в молодости тоже совершил ошибку – теперь каждое утро просыпаюсь с ней в одной постели!

Они посмеялись, и бритый ушел.

«Прямо детская игра», – подумал Малах, проходя мимо охранника к эскалатору. Попасть в Капитолий оказалось на удивление просто. Сутулая спина и выпирающий живот изменили его облик, а крем скрыл татуировки на лице и руках. Но самой гениальной находкой была перевязь, в которую Малах спрятал очень важный предмет – его-то и нужно было пронести в здание.

«Подарок единственному человеку на свете, способному помочь мне найти желаемое».

Самый большой музей в мире, оснащенный по последнему слову техники, – одна из наиболее оберегаемых тайн на планете. В нем больше экспонатов, чем в Эрмитаже, музее Ватикана и музее «Метрополитен», вместе взятых. Несмотря на столь богатую коллекцию, очень немногим доводилось попасть за тщательно охраняемые стены.

Расположенный сразу за городом, по адресу Силвер-Хилл-роуд, 4210, музей представляет собой массивное зигзагообразное сооружение, состоящее из пяти соединенных между собой отсеков – каждый отсек длиннее футбольного поля. Сразу и не скажешь, что за голубоватым металлическим фасадом кроется столько странного: шестьсот тысяч квадратных футов загадочного мира, в котором есть «мертвая зона», «мокрый отсек» и больше двенадцати миль стеллажей для хранения экспонатов.

Подъезжая в белом «вольво» к главным воротам музея, Кэтрин Соломон была сама не своя.

Охранник улыбнулся:

– Смотрю, вы не футбольная фанатка, мисс Соломон? – Он убавил громкость телевизора, по которому показывали предматчевое шоу.

Кэтрин натянуто улыбнулась:

– Сегодня воскресенье.

– Ах да! У вас же встреча.

– Он здесь? – с тревогой спросила Кэтрин.

Охранник заглянул в бумаги.

– В журнале не отмечался.

– Наверно, я рано приехала.

Кэтрин приветливо махнула охраннику и поехала по извилистому подъездному пути к своему месту на маленькой двухъярусной парковке. Она собрала вещи и напоследок взглянула на себя в зеркало заднего вида – скорее по привычке, чем по необходимости. Кэтрин Соломон унаследовала от предков здоровую средиземноморскую кожу, и даже в пятьдесят лет цвет лица у нее был ровный и смуглый. Она почти не пользовалась косметикой и никогда не укладывала густые черные волосы. У Кэтрин, совсем как у ее старшего брата Питера, были серые глаза и стройное, аристократическое телосложение.

«Вы прямо близнецы», – часто говорили им.

Их отец умер от рака, когда Кэтрин было всего семь лет, и она почти его не помнила. Брат, которому к тому времени исполнилось пятнадцать, начал свое восхождение к статусу семейного патриарха куда раньше, чем ожидалось. Впрочем, он добился этого положения с присущим всем Соломонам достоинством и силой духа. По сей день Питер заботился о Кэтрин так, словно они все еще были детьми.

Поклонники у Кэтрин не переводились, но она так и не вышла замуж. Спутником ее жизни стала наука – она приносила больше радости и удовлетворения, чем любой мужчина. Кэтрин ни о чем не жалела.

Не так давно о выбранной ею области знаний никто не слышал, но в последние годы нозтика стала открывать новые двери к постижению тайн человеческого разума.

«Наш скрытый потенциал воистину безграничен».

Кэтрин написала две книги о нозтике и стала ведущей фигурой в этой загадочной

области, однако ее последние изыскания, пока не опубликованные, обещали сделать нозтику темой международных научных дискуссий.

Впрочем, сегодня наука мало волновала Кэтрин. Днем она получила весьма тревожное известие о старшем брате. «Не может быть, не может быть», – мысленно повторяла она всю дорогу.

На улице моросил мелкий дождь. Кэтрин быстро собрала вещи и уже хотела выйти из машины, когда зазвонил мобильник.

Она увидела номер звонившего и перевела дух.

Затем убрала волосы за уши и села поудобнее.

В шести милях от нее Малах шел по коридорам Капитолия, прижимая к уху мобильный телефон.

– Да? – ответила женщина.

– Нам нужно встретиться еще раз, – сказал Малах.

После долгого молчания собеседница поинтересовалась:

– А в чем дело?

– Я кое-что узнал.

– Говорите.

Малах сделал глубокий вдох.

– То, что, по мнению вашего брата, спрятано в Вашингтоне...

– Продолжайте.

– ...можно найти.

– Вы хотите сказать... оно существует?! – потрясенно уточнила Кэтрин Соломон.

Малах улыбнулся:

– Порой легенда, выдержавшая испытание временем... выдерживает его не случайно.

Глава 6

– А ближе нельзя подъехать? – неожиданно разволновавшись, спросил Роберт Лэнгдон. Водитель остановил машину на Первой улице, почти в четверти мили от Капитолия.

– Увы, нет, – ответил он. – Национальная безопасность. Машины к достопримечательностям не подпускают. Извините, сэр.

Лэнгдон посмотрел на часы и встревожился: без десяти семь. Их задержали строительные работы вокруг Эспланады, и теперь до выступления оставалось всего десять минут.

– Погода меняется, – сказал водитель, открывая профессору дверь. – Вы бы поторопились. – Лэнгдон вынул бумажник, чтобы дать водителю на чай, но он только отмахнулся. – Тот, кто вас пригласил, уже заплатил щедрые чаевые.

«Как это похоже на Питера», – подумал Лэнгдон, собирая вещи.

– Ну, спасибо большое.

Первые капли дождя начали падать на землю, когда Роберт добрался до площадки, ведущей к новому подземному входу для туристов.

Строительство экскурсионного центра было дорогим и весьма спорным проектом. По словам создателей, подземный город во многом не уступал Диснейленду; галереи, рестораны и конференц-залы занимали в нем более полутора миллионов квадратных футов.

Лэнгдону не терпелось его увидеть, хотя он и не ожидал, что идти придется так долго. Накрапывал дождь, и профессор побежал, скользя по мокрому цементному полу.

«Я одевался для лекции, а не для забега на четыреста футов под дождем!»

Запыхавшись, Лэнгдон подлетел к входу и толкнул вращающиеся двери. Он на минуту остановился в фойе, стряхнул с себя капли дождя, перевел дух, затем посмотрел наверх и замер: перед ним открылся вид на недавно построенный центр.

«Ваша взяла, я поражен».

Такого он совсем не ожидал. Поскольку центр располагался под землей, Лэнгдон шел туда с опаской. В детстве ему пришлось всю ночь просидеть на дне глубокого колодца, и с тех пор он до дрожи боялся закрытых пространств. Однако это подземелье было... воздушным. Легким и просторным.

Обширный стеклянный потолок украшали великолепные световые конструкции, отбрасывающие мягкое сияние на поверхности жемчужного цвета.

При обычных обстоятельствах Лэнгдон любовался бы архитектурой не меньше часа, но до выступления оставалось всего пять минут. Он опустил голову и стремительно пошел через главную галерею к пункту охраны и эскалаторам.

«Успокойся, – мысленно сказал он себе. – Питер знает, что ты в пути. Без тебя не начнут».

На пункте охраны, пока Лэнгдон выкладывал из карманов вещи и снимал свои старые часы, с ним вежливо побеседовал молодой испанец-охранник.

– Микки-Маус? – с неподдельным удивлением спросил он.

Лэнгдон кивнул – ему было не привыкать к подобным вопросам. Коллекционные часы с Микки-Маусом родители подарили ему на девятый день рождения.

– Я ношу их, чтобы не спешить и не относиться к жизни слишком серьезно.

– Похоже, не помогает, – с улыбкой заметил охранник. – Смотрю, вы торопитесь.

Лэнгдон улыбнулся и положил портфель в приемник рентгеновской установки.

– Как пройти в Скульптурный зал?

Охранник махнул в сторону эскалаторов:

– Там будут указатели.

– Спасибо.

Лэнгдон подхватил портфель и поспешил дальше.

На эскалаторе он сделал глубокий вдох и попробовал собраться с мыслями. Сквозь забрызганный дождем стеклянный потолок он взглянул на могучий силуэт подсвеченного капитолийского купола. Поразительное здание! Высоко на крыше, почти в трехстах футах над землей, смотрела в туманную мглу статуя Свободы, похожая на призрачного стража. Вот парадокс – почти двадцатифутовую бронзовую фигуру по частям поднимали и устанавливали на куполе рабы. Об этом секрете Капитолия не рассказывают школьникам на уроках истории.

Все здание, по сути, было кладезем тайн: «ванна-убийца», повинная в смерти вице-президента Генри Уилсона; лестница с несмываемым кровавым пятном, где до сих пор постоянно поскальзываются туристы; замурованная подвальная комната, где в 1930 году рабочие нашли чучело коня генерала Логана.

Впрочем, все эти легенды не так поражают, как слух, будто в Капитолии живет тринадцать привидений. По коридорам якобы бродит дух городского архитектора Пьера Ланфана – ждет уплаты по счету, просроченному двести лет назад. Призрак рабочего, упавшего с купола во время строительства, скитается по залам с ящиком для инструментов. И самое известное привидение, которое неоднократно встречали в подвале, – черный кот, крадущийся по жуткому лабиринту узких проходов и комнат.

Лэнгдон сошел с эскалатора и еще раз взглянул на часы.

«Три минуты».

Следуя указателям, он помчался по широкому коридору к Скульптурному залу, мысленно повторяя вступительные слова. Да, секретарь Питера был прав: тема лекции прекрасно подходила для мероприятия, которое устраивал в Вашингтоне известный масон.

Ни для кого не секрет, что у американской столицы богатая масонская история. Краеугольный камень Капитолия заложил, в строгом согласии с масонскими ритуалами, сам Вашингтон, да и весь город проектировали вольные каменщики – Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин и Пьер Ланфан, – блистательные умы, украсившие новую столицу масонскими символами, проникшими в архитектуру и искусство.

«Каких только безумных идей не отыскивают в этих символах!»

Многие конспирологи утверждают, будто отцы-основатели, масоны, владели тайнами огромной важности, а в расположении улиц Вашингтона сокрыли загадочные послания. Лэнгдон никогда не придавал значения этим домыслам. О масонах ходит столько ложных слухов, что даже у образованных студентов Гарварда складывается весьма искаженное представление о братстве.

В прошлом году в кабинет Лэнгдона ворвался взбудораженный первокурсник. В руках у него была распечатка из Интернета – карта города с отмеченными улицами, образующими различные фигуры: сатанинские пентаграммы, масонские компас и наугольник, голову Бафомета. Рисунок якобы доказывал, что проектировавшие Вашингтон масоны были участниками некоего зловещего мистического заговора.

– Забавно, – усмехнулся Лэнгдон, – только неубедительно. Проведи на любой карте

несколько пересекающихся линий, и они обязательно образуют какую-нибудь таинственную фигуру.

– Но это не простое совпадение! – вскричал юноша.

Лэнгдон терпеливо показал студенту, что те же самые символы можно изобразить на карте Детройта.

Юноша очень расстроился.

– Не огорчайтесь, – сказал ему Лэнгдон, – у Вашингтона действительно есть поразительные тайны... только кроются они не в картах.

Студент заинтересовался:

– Тайны? Например?

– Каждую весну я читаю курс «Оккультные символы». Приходите, узнаете много нового о Вашингтоне.

– Оккультные символы! – Юноша явно воспрял духом. – Выходит, там все-таки есть дьявольские знаки!

Лэнгдон улыбнулся:

– Видите ли, слово «оккультный», хоть и наталкивает на мысли о поклонении дьяволу, на самом деле означает «тайный» или «скрытый». Во времена церковного господства любое знание, противоречащее религиозным догмам, держали в секрете и называли «оккультным». Испугавшись таких знаний, церковь объявила все оккультное происками дьявола, и этот предрассудок жив по сей день.

– Ясно... – Юноша разочарованно сник.

Впрочем, весной Лэнгдон увидел его на своей лекции, в первом ряду, когда пятьсот студентов набились в аудиторию театра Сандерса – старый лекционный зал со скрипучими деревянными скамейками.

– Всем доброе утро! – крикнул Лэнгдон с обширной сцены. Он включил диапроектор, и за его спиной появилась картинка. – Пока вы рассаживаетесь, кто мне ответит, что это за здание?

– Капитолий США! – хором прокричало несколько десятков человек. – В Вашингтоне!

– Верно. Металлические конструкции купола весят девять миллионов фунтов. В 1850-х этот архитектурный подвиг не имел себе равных.

– Клево! – крикнул кто-то.

Лэнгдон закатил глаза.

«Вот бы кто-нибудь запретил это слово!»

– Ладно, поднимите руки, кто хоть раз бывал в Вашингтоне?

Тут и там поднялось несколько рук.

– Да, негусто... – Лэнгдон изобразил удивление. – А кто был в Риме, Париже, Мадриде или Лондоне?

В воздух взлетели почти все руки.

Обычное дело. Американские студенты обязательно проводили в Европе хоть одно лето, прежде чем погрязнуть в суровых буднях настоящей жизни.

– Похоже, многие из вас ездили в Европу, но мало кто бывал в столице нашей родины. Как вы думаете, почему?

– В Европе нет возрастного ценза на продажу спиртного! – крикнул кто-то.

Лэнгдон улыбнулся:

– Хотите сказать, дома вас это останавливает?

Все рассмеялись.

Как обычно, в первый учебный день тишины в аудитории добиться было нелегко: студенты с трудом успокаивались, ерзали и скрипели деревянными скамейками. Лэнгдон любил читать лекции в этой аудитории: по скрипу сидений сразу ясно, насколько ученики заинтересованы новым материалом.

– Кроме шуток, – сказал Лэнгдон, – в Вашингтоне собраны образцы лучшей мировой архитектуры, искусства и символизма. Не лучше ли побывать в собственной столице, прежде чем ехать за рубеж?

– Всякие древности круче.

– Под «всякими древностями» вы подразумеваете замки, крипты, храмы и прочее? – уточнил Лэнгдон.

Студенты дружно кивнули.

– Хорошо. А если я скажу, что в Вашингтоне все это есть? Замки, крипты, пирамиды, храмы... все!

Скрип лавок немного утих.

– Друзья, – понизив голос и подойдя к краю сцены, сказал Лэнгдон, – прослушав сегодняшнюю лекцию, вы узнаете, что наша страна под завязку набита секретами, в ее истории полно тайн. Как и в Европе, самое интересное лежит на виду.

Скрип полностью прекратился.

«Попались!»

Лэнгдон приглушил свет и перешел к следующему слайду.

– Кто мне ответит, что делает Джордж Вашингтон на этой картинке?

На знаменитой фреске Джордж Вашингтон в полном масонском облачении стоял перед диковинным устройством: огромным треножником с подъемным блоком и висящим на нем большим камнем. Вокруг Вашингтона собралась толпа хорошо одетых людей.

– Поднимает здоровый камень? – предположил кто-то.

Лэнгдон промолчал, чтобы студент мог сам исправить ошибку.

– Вообще-то, – сказал другой юноша, – Вашингтон, в масонском облачении, опускает камень. Мне и раньше попадались картинки с изображением масонов, закладывающих краеугольные камни: на подобных церемониях всегда использовали треножник.

– В точку! – воскликнул Лэнгдон. – На фреске изображено, как наш отец-основатель закладывает краеугольный камень Капитолия 18 сентября 1793 года, где-то между четвертью двенадцатого и половиной первого. – Лэнгдон окинул взглядом аудиторию. – Кто-нибудь знает, что означают эти дата и время?

Тишина.

– Подсказка: время закладки выбрано тремя знаменитыми масонами – Джорджем Вашингтоном, Бенджамином Франклином и Пьером Ланфаном, главным архитектором города.

Вновь молчание.

– Очень просто: именно в это благоприятное время Голова Дракона находилась в Деве.

Студенты озадаченно переглянулись.

– Погодите, – сказал кто-то, – вы об астрологии?!

– Именно. Впрочем, та астрология несколько отличалась от современной.

Один студент поднял руку.

– То есть наши отцы-основатели верили в гороскопы?

Лэнгдон широко улыбнулся:

– Совершенно верно! Между прочим, в архитектуре Вашингтона присутствует больше астрологических символов – знаков зодиака, звездных карт, краеугольных камней, заложенных в строго определенное время, – чем в архитектуре любого другого города. Подавляющее большинство составителей нашей конституции были масонами – людьми, убежденными, что судьба и звезды взаимосвязаны и что при создании нового мира необходимо внимательно следить за расположением светил.

– Подумаешь, Голова Дракона была в Деве, когда закладывали краеугольный камень! Может, это совпадение?

– Поразительное совпадение, если учесть, что камни трех основных зданий, образующих Федеральный треугольник – Капитолия, Белого дома и Монумента Вашингтона, – были заложены в разные годы, но при одинаковых астрологических условиях.

Все изумленно уставились на Лэнгдона. Кто-то опустил голову и начал записывать.

Один студент поднял руку:

– А зачем?

Лэнгдон хохотнул.

– Чтобы ответить на этот вопрос, придется изучить материал целого семестра. Если вам любопытно, приходите на мои лекции. Откровенно говоря... я не вполне уверен, что вы готовы услышать ответ.

– Почему? – крикнул студент. – Испытайте нас!

Лэнгдон сделал вид, что обдумывает это предложение, а затем покачал головой, дразня учеников.

– Извините, не могу. Здесь много первокурсников. Боюсь, эта информация перевернет ваши представления о мире.

– Скажите! – закричали все.

Лэнгдон пожал плечами:

– Вот вступите в братство или в орден Восточной звезды – узнаете все из первоисточника.

– Нас туда не пустят, – возразил какой-то юноша. – Масоны – суперсекретное общество!

– Суперсекретное? Неужели? – Лэнгдону вспомнился масонский перстень, который Питер Соломон гордо носил на правой руке. – Тогда почему масоны не таясь носят знаки отличия – перстни, броши, булавки? Почему их здания отмечены всем известными символами, а о собраниях пишут в газетах? – Лэнгдон улыбнулся, увидев озадаченные лица. – Друзья мои, масоны – не тайное общество, а общество с тайнами.

– Какая разница? – буркнул кто-то.

– Хотите сказать, никакой? Может, «Кока-кола» – тоже тайная организация?

– Нет, конечно, – ответил студент.

– А что будет, если явиться в головной офис и спросить рецепт классической колы?

– Никто вам его не даст.

– Именно. Чтобы узнать секрет «Кока-колы», нужно проработать в компании много лет, доказать свою надежность и занять высокий пост – только тогда с вами поделятся этой информацией, предварительно заставив подписать договор о неразглашении.

– То есть масонство – корпорация?

– Нет, просто у них тоже есть строгая иерархия, и они очень берегут свои тайны.

– Мой дядя – масон, – встряла одна из студенток. – Тетушка все время бесится, что он

ничего ей не рассказывает. Она говорит, масонство – какая-то странная религия.

– Распространенное заблуждение.

– Так это не религия?

– Давайте проверим, – предложил Лэнгдон. – Кто посещал лекции профессора Уизерспуна по сравнительному религиоведению?

Поднялось несколько рук.

– Хорошо. Каким критериям должна отвечать идеология, чтобы считаться религией?

– ОВО, – вспомнила одна студентка. – Обещать, верить, обращать.

– Правильно. Религии обещают спасение, верят в строгие теологические догматы и обращают в свою веру неверующих. – Лэнгдон помолчал. – Масоны не проходят ни по одному из пунктов. Они никому не обещают спасения, у них нет теологии, и они не стремятся пополнять свои ряды. Мало того, разговоры на религиозные темы в стенах ложи строго запрещены.

– Значит... масонство антирелигиозно?

– Отнюдь. Чтобы стать вольным каменщиком, человек обязан верить в высшую силу, иначе его не примут. Разница между масонством и религией заключается в том, что масоны не дают высшей силе четкого определения или названия. Господь, Аллах, Будда и Иисус... Масоны предпочитают более общие определения – Верховное существо или Великий архитектор Вселенной. Такой подход позволяет масонам разных вероисповеданий объединяться.

– Дикость какая-то!

– А может, отрадная незашоренность? – предложил Лэнгдон. – В наш век, когда различные культуры никак не договорятся, чье определение Бога правильной, масонские каноны терпимости и непредвзятости заслуживают похвалы. – Он зашагал по сцене. – Более того, масонство открыто для людей всех цветов кожи. В этом духовном братстве нет дискриминации.

– Неужели? – подала голос девушка из университетского Женского общества. – Вам известны женщины-масоны, профессор Лэнгдон?

Он примирительно поднял руки.

– Справедливое замечание. Корни масонства восходят к европейской гильдии каменщиков, куда принимали только мужчин. Несколько веков назад – по некоторым источникам, в 1703-м году – возник женский орден Восточной звезды. Сейчас в нем более миллиона членов.

– И все-таки масонство – влиятельная организация, куда женщинам путь заказан, – заявила студентка.

Лэнгдон сомневался, что на сегодняшний день братство так уж влиятельно, и не хотел вводить студентов в заблуждение. Кто-то считал масонов сборищем безобидных старцев, рядящихся в маскарадные костюмы, а кто-то... закулисным обществом политических воротил, правящих миром. Истина, несомненно, была где-то посередине.

– Профессор Лэнгдон, – обратился к нему кудрявый юноша с последнего ряда, – если масонство – не тайное общество, не корпорация и не религия, то что это?

– Ну, если спросить масона, он предложит такое определение: масонство – это система моральных норм, скрытая в символах и завуалированная аллегориями.

– Проще говоря, какой-то дикий культ?

– Дикий, говорите?

– Ну да! – воскликнул студент, поднимаясь. – Я слышал, чем они там занимаются! Проводят жуткие ритуалы с гробами и петлями, пьют вино из черепов. По-вашему, это не дико?

Лэнгдон окинул аудиторию взглядом и спросил:

– Кто-нибудь еще считает это дикостью?

– Да! – хором ответили все.

Лэнгдон театрально вздохнул:

– Плохо. Если для вас это дико, вы никогда не станете последователями моего культа.

Студенты умолкли. Девушка из Женского общества всполошилась.

– Вы – последователь культа?

Лэнгдон кивнул и заговорщицки прошептал:

– Никому не говорите, но в день языческого бога солнца Ра я преклоняю колени перед древним орудием пытки и вкушаю ритуальные символы плоти и крови!

Студенты в ужасе уставились на профессора.

Он пожал плечами:

– Если пожелаете, приходите в воскресенье в Гарвардскую часовню, опуститесь на колени перед распятием и примите Святые Дары.

Все растерянно молчали.

Лэнгдон подмигнул.

– Долой предрассудки, друзья! Мы все боимся того, чего не понимаем.

По коридорам Капитолия разнесся бой часов.

«Уже семь».

Роберт Лэнгдон побежал.

«Вот тебе и эффектное появление...»

Преодолев коридор, он заметил вход в Скульптурный зал и устремился к нему. Перед самой дверью сбавил шаг и сделал несколько глубоких вдохов. Застегнув пиджак, он поднял голову чуть выше обычного и с последним ударом курантов вошел в зал.

«А вот и я!»

При входе профессор Лэнгдон поднял глаза и тепло улыбнулся. В следующий миг его улыбка померкла, и он остановился как вкопанный.

Дело было неладно. Очень неладно.

Кэтрин Соломон бежала по стоянке под холодным дождем, жалея, что надела только джинсы и кашемировый свитер. У главного входа оглушительно ревели гигантские очистители воздуха, но она их почти не слышала – в голове непрестанно крутился последний телефонный разговор.

«То, что, по мнению вашего брата, спрятано в Вашингтоне... это можно найти».

Невероятно! Кэтрин многое нужно было обсудить со звонившим, и они договорились встретиться вечером.

Подойдя к дверям, она ощутила знакомый трепет, который всегда ощущала при входе в грандиозное здание.

«Никто не знает, что это место – здесь».

Табличка на двери гласила:

Центр технической поддержки

Смитсоновского музея (ЦТП СМ)

Смитсоновский институт включал больше дюжины крупных музеев, расположенных вдоль Эспланады, однако его коллекция была столь обширной, что одновременно выставлялось лишь два процента всех экспонатов. Остальные девяносто восемь нужно было где-то хранить... И хранили их здесь.

Неудивительно, что центр стал кладезем самых разнообразных рукотворных диковин – тут были огромные статуи Будды, старинные рукописи, отравленные дротики из Новой Гвинеи, инкрустированные драгоценными камнями ножи, лодка из китового уса... Не меньше потрясали воображение природные сокровища: скелеты плезиозавров, бесценная коллекция метеоритов, огромный кальмар, слоновьи черепа, привезенные из африканского сафари Тедди Рузвельтом. Но вовсе не поэтому три года назад секретарь Смитсоновского института Питер Соломон привел сюда сестру. Кэтрин должна была не любоваться чудесами науки, а создавать их. Чем она теперь и занималась.

В недрах этого здания, в крошечной темноте самого дальнего отсека, спряталась небольшая научная лаборатория, аналогов которой не было в целом мире. Недавние открытия Кэтрин в сфере нэтики затрагивали все области человеческих знаний: физику, историю, философию, религию. «Скоро все изменится», – подумала она.

Охранник за стойкой спрятал радио и снял наушники.

– Мисс Соломон! – с радостной улыбкой воскликнул он.

– «Редскинз»? – спросила Кэтрин.

Он покраснел и виновато опустил глаза.

– Вот-вот начнется.

Кэтрин улыбнулась:

– Я никому не скажу.

Она подошла к металлодетектору и опустошила карманы. Снимая золотые часы «Картье», она ощутила знакомый укол боли – на восемнадцатый день рождения часики ей

подарила мама. Прошло почти десять лет с тех пор, как ее убили... Она умерла прямо на руках у Кэтрин.

– Мисс Соломон, – шутливо прошептал охранник, – когда вы уже расскажете о своих исследованиях?

Она подняла глаза.

– Как-нибудь расскажу, Кайл. Не сегодня.

– Да ладно вам! – не унимался он. – Тайная лаборатория... в тайном музее! Вы что-то крутое задумали.

«“Крутое” – очень мягко сказано», – подумала Кэтрин, собирая вещи. Она занималась такими необычными исследованиями, что их было трудно назвать научными.

Роберт Лэнгдон, оцепенев, взирал на открывшийся перед ним вид. Зал был в точности такой, каким он его запомнил, – идеальный полукруг, похожий на греческий амфитеатр. Вдоль изящно закругленной стены из песчаника выстроились колонны из пестрой брекчии, между которыми помещалась коллекция скульптур: на черно-белом мраморном полу стояли тридцать восемь статуй выдающихся американцев.

Все было точно так же, как тогда, на лекции.

Кроме одного.

Сегодня зал пустовал.

Ни стульев, ни посетителей, ни Питера Соломона. По залу бродили туристы, которым не было дела до эффектного появления Роберта Лэнгдона.

«Может, Питер имел в виду Ротонду?»

Профессор бросил взгляд в сторону круглого зала – там тоже гуляли посетители.

Эхо курантов стихло. Лэнгдон бесповоротно опоздал.

Он торопливо вышел в коридор и поймал там экскурсовода.

– Простите, сегодня здесь должно быть мероприятие от Смитсоновского института... Не подскажете где?

Экскурсовод растерялся.

– Не знаю, сэр. А когда оно начинается?

– Сейчас!

Гид покачал головой:

– Извините, на сегодня никаких мероприятий не намечено... По крайней мере здесь.

Опешив, Лэнгдон вернулся в центр зала и еще раз осмотрел помещение.

«Питер решил меня разыграть? Нет, быть такого не может».

Он достал мобильный, листок с факсом и набрал номер Питера.

В огромном здании телефон не сразу нашел сеть.

Наконец гудки пошли.

Ответил мужчина со знакомым с южным акцентом:

– Офис Питера Соломона, говорит Энтони. Чем могу помочь?

– Энтони! – воскликнул Лэнгдон. – Как хорошо, что я вас застал. Это Роберт Лэнгдон. Тут какая-то путаница... Я в Скульптурном зале, но здесь никого нет. Собрание перенесли в другой зал?

– Вряд ли, сэр. Сейчас уточню. – Секретарь немного помолчал. – А вы разговаривали с мистером Соломоном лично?

Лэнгдон смутился.

– Нет, с вами, Энтони! Сегодня утром!

– Помню-помню. – В трубке воцарилась тишина. – Довольно неосмотрительно с вашей стороны, профессор.

Лэнгдон встревожился:

– Простите?

– Судите сами... Вы получили факс с приглашением и сразу же набрали указанный в нем телефонный номер. Вам ответил совершенно незнакомый человек, представившийся секретарем Питера Соломона. После чего вы охотно уселись в частный самолет и прилетели

в Вашингтон, где вас встретил водитель. Так было дело?

Лэнгдон содрогнулся.

– Кто это, черт возьми? Где Питер?

– Боюсь, Питер Соломон понятия не имеет о вашем приезде. – Южный акцент исчез, и мужчина низко, сладкозвучно зашептал: – Мистер Лэнгдон, вы здесь исключительно потому, что это нужно мне.

В Скульптурном зале Роберт Лэнгдон прижал мобильный к уху и зашагал по кругу.

– Кто вы такой?!

Его собеседник ответил спокойным медовым шепотом:

– Не волнуйтесь, профессор Лэнгдон. Я вызвал вас не просто так. На то есть причина.

– Вызвали? Скажите лучше «похитили»! – Лэнгдон чувствовал себя загнанным зверем.

– Ну что вы... – прозвучал до жути умиротворенный голос. – Если бы я хотел причинить

вам вред, ваш труп уже лежал бы в багажнике «линкольна». – Он многозначительно умолк. –

Поверьте, у меня исключительно благородные цели. Я лишь хотел вручить вам приглашение.

«Нет уж, спасибо».

Европейские приключения принесли Лэнгдону излишнюю популярность, он стал настоящим магнитом для психов всех мастей, но этот серьезно перегнул палку.

– Слушайте, я ничего не понимаю и вешаю трубку...

– Безрассудство с вашей стороны, – сказал незнакомец. – У вас и без того мало шансов спасти душу Питера Соломона.

У Лэнгдона перехватило дыхание.

– Что?!

– Вы меня слышали.

От того, как этот человек произнес имя Питера, у Лэнгдона кровь застыла в жилах.

– Что вам известно о Питере?

– В данный момент я знаю его самые сокровенные тайны. Мистер Соломон у меня в гостях, а я умею быть весьма настойчивым хозяином.

«Бред какой-то!»

– Вы лжете, Питер не с вами.

– Послушайте, вы со мной говорили по его прямому номеру, стало быть...

– Я звоню в полицию.

– Нет необходимости, – ответил незнакомец. – Блюстители порядка присоединятся к вам в ближайшее время.

«О чем он?!»

– Если Питер у вас, – твердо проговорил Лэнгдон, – немедленно дайте ему трубку.

Молчание.

– Он сейчас в Арафе.

– Где?! – Лэнгдон сжал трубку так крепко, что у него побелели пальцы.

– В Арафе. Или, если вам так угодно, в Хамистагане. В том самом месте, которому Данте посвятил песнь сразу после «Ада».

Религиозные и литературные познания незнакомца убедили Лэнгдона в мысли, что он разговаривает с безумцем. «Песнь вторая...» Лэнгдон хорошо ее помнил; все ученики Академии Филипс-Эксетер знакомы с творчеством Данте.

– Вы утверждаете, что Питер Соломон... в чистилище?

– Грубое слово, которое так любят христиане... В общем-то да, в пургатории.

Слова незнакомца повисли в трубке.

– Хотите сказать, Питер... умер?

– Не совсем, нет.

– Не совсем?! – завопил Лэнгдон, и его голос эхом отозвался в стенах зала. Гулявшее неподалеку семейство обернулось на его крик. Роберт заговорил тише: – Человек бывает либо жив, либо мертв!

– Право, вы меня удивляете, профессор. Я-то думал, вы куда лучше разбираетесь в таинствах жизни и смерти. Между ними есть целый мир, и именно в этом мире сейчас пребывает Питер Соломон. Он может вернуться к нам или продолжить свой путь... в зависимости от ваших дальнейших действий.

Лэнгдон попытался переварить услышанное.

– Что вам надо?

– Все просто. В вашем распоряжении оказалось нечто весьма древнее... Пора поделиться этим со мной.

– Понятия не имею, о чем вы.

– Неужели? Хотите сказать, вы не понимаете доверенных вам тайных знаний?

Сердце Лэнгдона ушло в пятки: он сообразил, о чем может идти речь.

«Тайные знания».

Он и словом не обмолвился о своих приключениях в Париже, но фанатики Грааля внимательно следили за сводками новостей. Кому-то наверняка удалось сложить все части головоломки и узнать, что Лэнгдон обладает секретной информацией о Святом Граале – вероятно, ему даже известно местонахождение святыни.

– Слушайте... – начал Лэнгдон, – если вы имеете в виду Святой Грааль, уверяю вас, я...

– За кого вы меня принимаете, мистер Лэнгдон? – отрезал его собеседник. – Меня не интересуют ни пустяки вроде Грааля, ни жалкие пререкания о том, чья версия событий правильная. Пустопорожние споры о вере мне глубоко безразличны. На эти вопросы можно ответить лишь после смерти.

Его слова окончательно сбили Лэнгдона с толку.

– Тогда что вы хотите?

Незнакомец помолчал.

– Как вам известно, в Вашингтоне существует древний портал.

«Древний портал?»

– И сегодня, профессор, вы его откроете. Считайте, вам оказана огромная честь... вы получите уникальное приглашение. Вы избранный.

«А ты – ненормальный».

– Извините, но вы ошиблись, – сказал Лэнгдон. – Первый раз слышу о древнем портале.

– Вы не поняли, профессор. Это не я вас выбрал... а Питер Соломон.

– Что? – едва слышно выдавил Лэнгдон.

– Мистер Соломон рассказал мне, где найти портал, и сознался, что на свете есть лишь один человек, способный его открыть. Это вы.

– Если Питер действительно так сказал, он заблуждается... или лжет.

– А вот это вряд ли. Я склонен верить признаниям, сделанным Питером на грани жизни и смерти.

В груди Лэнгдона вспыхнул гнев.

– Предупреждаю, если вы причините вред Питеру...

– Профессор Лэнгдон, ваши угрозы мне не страшны. Я получил от мистера Соломона все, что хотел. Теперь мне нужны вы. Время пошло... для вас обоих. Предлагаю вам найти и открыть портал. Питер укажет путь.

«Питер?»

– Вы же сказали, он в чистилище!

– Как вверху, так и внизу, – ответил незнакомец.

Лэнгдон похолодел. Странный ответ был древней магической формулой, говорящей о физической связи между небом и землей.

«Как вверху, так и внизу».

Лэнгдон окинул взглядом просторный зал и подумал, как стремительно сегодняшние события вышли из-под контроля.

– Слушайте, мне ничего не известно ни о каких древних порталах. Я звоню в полицию.

– Что, никак не доходит, профессор? Вы понимаете, почему выбрали именно вас?

– Нет.

– Скоро придет, – заверил его незнакомец. – Очень скоро.

В трубке пошли гудки.

Лэнгдон замер, пытаясь сообразить, что произошло.

Издали донесся неожиданный звук.

В Ротонде кто-то кричал.

Глава 10

Роберт Лэнгдон много раз входил в Ротонду, но бегом – никогда. В центре зала собралась толпа туристов. Кричал маленький мальчик, родители его успокаивали. Охранники безуспешно пытались установить порядок.

– Он вытащил ее из повязки, – лихорадочно тараторил кто-то, – и положил на пол!

Подойдя ближе, Лэнгдон бросил взгляд на то, что вызвало переполох. Конечно, предмет был очень странный, но к чему поднимать такой крик?

Лэнгдон и раньше видел предмет, лежавший на полу Капитолия. На факультете изобразительных искусств Гарвардского университета имелось множество муляжей, помогающих скульпторам и художникам правильно изобразить самую сложную часть человеческого тела – как ни странно, это не лицо, а рука.

«Кто-то оставил в Ротонде пластмассовую руку?»

Пальцы такого муляжа фиксировались в любом положении – второкурсники, понятное дело, обычно распрямляли средний. Указательный и большой пальцы этой руки были направлены в потолок.

Однако, подойдя еще ближе, Лэнгдон заметил, что муляж необычный: пластмассовая поверхность была не гладкой, а сморщенной и неровно окрашенной, почти...

«...как настоящая кожа».

Лэнгдон словно врос в землю.

На запястье виднелась кровь.

«Господи!»

Отрезанную кисть насадили на колышек с плоским деревянным основанием. К горлу Лэнгдона подкатила тошнота. Едва дыша, он с опаской шагнул вперед и увидел на кончиках пальцев крошечные татуировки. Однако его внимание привлекли не они, а знакомый перстень на безымянном пальце.

«Не может быть!»

Лэнгдон отпрянул, осознав, что перед ним – ампутированная кисть Питера Соломона. Зал каруселью завертелся вокруг него.

«Почему Питер не отвечает? – подумала Кэтрин, нажав «отбой». – Где он?»

Три года подряд Питер Соломон приезжал на еженедельные воскресные встречи первым. Так повелось в их семье: перед началом новой недели Кэтрин проводила вечер с братом, чтобы не терять связь и держать его в курсе исследований.

«Он никогда не опаздывает, – подумала она. – И всегда берет трубку». Хуже того, она даже не знала, что ему сказать, когда он придет. «Как спросить о том, что я узнала?»

Ее ритмичные шаги отдавались в стенах коридора, прозванного Улицей. Подобно позвоночнику, он проходил через все здание ЦТП и соединял пять отсеков гигантского хранилища. В сорока футах над головой пульсировала кровеносная система – оранжевые вентиляционные трубы, по которым циркулировали тысячи кубических футов очищенного воздуха.

Обычно, пока Кэтрин шла по коридору длиной в четверть мили, ритмичное «дыхание» вентиляционной системы успокаивало ее, однако сегодня звук выбивал из колеи. То, что она узнала о брате, встревожило бы кого угодно, но Питер был ее единственным родственником, и потому его скрытность особенно задела Кэтрин.

Питер всего раз в жизни что-то от нее скрыл... чудесную тайну, спрятанную в конце этого коридора. Три года назад брат провел Кэтрин по Улице и познакомил ее с ЦТП, гордо показав ей несколько самых необычных экспонатов: метеорит с Марса ALH-84001, рукописный пиктографический дневник индейского вождя Сидящего Быка, коллекцию запечатанных воском банок с экземплярами, собранными самим Дарвином.

Когда они проходили мимо массивной двери с небольшим оконцем, Кэтрин мельком заглянула внутрь и изумилась:

– Это еще что?!

Питер хохотнул и зашагал дальше.

– Третий отсек. Мы называем его «Мокрым». Необычное зрелище, а?

«Скорее, ужасающее».

Кэтрин поспешила за Питером. Она словно попала на другую планету.

– На самом деле я хотел показать тебе Пятый отсек, – сказал брат, ведя ее по бесконечному коридору. – Его мы построили в последнюю очередь. Через пять лет туда перевезут экспонаты из запасников Национального музея естественной истории, а до тех пор, как ты понимаешь, отсек пустует.

– Тогда зачем мы туда идем? – удивилась Кэтрин.

Серые глаза Питера озорно вспыхнули.

– Я подумал, раз он никому не нужен, им можешь попользоваться ты.

– Я?

– Ну да. Тебе не мешает специальная лаборатория, где можно провести теоретические эксперименты, над которыми ты работала столько лет.

Кэтрин потрясенно воззрилась на брата.

– Питер, это же чисто теоретические эксперименты! Провести их практически невозможно.

– Нет ничего невозможного, Кэтрин, и это здание идеально подходит для твоих нужд. ЦТП не просто склад сокровищ, а один из самых прогрессивных исследовательских центров

в мире. Мы изучаем экспонаты коллекций с помощью самых передовых технологий. В твоём распоряжении будет вся необходимая аппаратура.

– Питер, оборудование для моих экспериментов...

– ... уже на месте. – Брат просиял. – Лаборатория готова.

Кэтрин оцепенела.

Питер кивнул в конец коридора.

– Не хочешь взглянуть?

Она потеряла дар речи.

– Ты... построил мне лабораторию?!

– Это моя работа. Смитсоновский комплекс призван содействовать научному прогрессу, и я не могу пренебречь столь важной задачей. У твоих исследований огромный потенциал – они необычайно расширяют границы человеческого познания. – Питер умолк и посмотрел ей прямо в глаза. – Не важно, сестра ты мне или нет, я обязан поддержать это начинание. Твои идеи блестящи. Мир должен узнать, что именно они сулят.

– Питер, я не могу...

– Ну же, успокойся... Деньги потрачены мои, а Пятым отсеком сейчас никто не пользуется. Закончишь исследования – съедешь. К тому же, у Пятого отсека есть одна очень полезная для твоих экспериментов особенность.

Кэтрин не понимала, какая особенность огромного пустого зала может ей пригодиться, но скоро ей предстояло это выяснить. Они подошли к стальной двери с крупной трафаретной надписью:

ОТСЕК № 5

Брат вставил карточку в прорезь электронного замка – загорелась кнопочная панель. Он уже хотел ввести код доступа, как вдруг остановился и игриво вскинул брови – совсем как в детстве.

– Готова?

Она кивнула.

«Ну Питер, ну фокусник!»

– Отойди.

Он набрал нужную комбинацию.

Стальная дверь с громким шипением открылась.

За порогом был кромешный мрак... зияющая пустота. Изнутри словно бы донесся глухой стон, и в коридор хлынул поток холодного воздуха.

«Все равно что смотреть ночью на Великий каньон».

– Вообрази пустой ангар для множества «аэробусов», – сказал Питер. – Получишь примерное представление.

Кэтрин невольно попятилась.

– Сам отсек слишком велик: отапливать его чересчур накладно, да и ни к чему, но твоя лаборатория построена из теплоизоляционного шлакоблока и представляет собой куб, расположенный в дальнем углу – для максимальной изоляции.

Кэтрин попыталась это вообразить. «Коробка внутри ящика». Она взгляделась в темноту, но ничего не увидела.

– Это далеко?

– Довольно-таки... Отсек размером с футбольное поле. Предупреждаю, идти будет страшновато – тут полная темнота.

Кэтрин заглянула в проем.

– Выключателя нет?

– Электричество еще не провели.

– Тогда... как будет работать лаборатория?

Питер подмигнул:

– На водородном топливном элементе.

Кэтрин поразилась:

– Ты шутишь?!

– Энергии хватит на небольшой город. Кстати, лаборатория полностью изолирована от внешних радиочастот, а внешние стены самого отсека покрыты фоторезистивной пленкой, которая защищает экспонаты от солнечного излучения. Словом, внутри создана герметичная энергетически нейтральная среда.

До Кэтрин начало доходить, чем хорош Пятый отсек. Ее работа основывалась на измерении прежде неизвестных энергетических полей, а потому опыты можно было ставить лишь в среде, защищенной от внешних воздействий и «белого шума», включая «мозговое излучение» и «мысленные эманации» окружающих. Университетский городок и больничные лаборатории для этого не годились, а вот пустой отсек ЦТП подходил идеально.

– Ну, пошли смотреть. – Питер широко улыбнулся и шагнул в крошечный мрак. – Не отставай.

На пороге Кэтрин замерла.

«Пройти сто с лишним ярдов в полной темноте?»

Она хотела предложить фонарик, но брат уже скрылся.

– Питер! – позвала она.

– Не бойся, – отозвался он. Его голос постепенно удалялся. – Ты не заблудишься, обещаю.

«Он издевается?»

Кэтрин перешагнула порог и вгляделась в темноту. Сердце бешено колотилось у нее в груди.

«Ни зги не видно!»

Внезапно стальная дверь зашипела и громко захлопнулась у нее за спиной. Кэтрин обступила тьма – ни лучика света.

– Питер!

Тишина.

«Ты не заблудишься, обещаю».

Она вслепую шагнула вперед.

Кэтрин не видела даже поднесенной к лицу руки. Она двинулась вперед, но через несколько секунд остановилась.

«Куда я иду?»

Это было три года назад.

Сегодня, подойдя к стальной двери, Кэтрин осознала, как далеко продвинулась с тех пор. Лаборатория (для своих – Куб) стала ей вторым домом, прибежищем, надежно укрытым в недрах Пятого отсека. Как и обещал брат, тем вечером Кэтрин нашла дорогу, и находила

потом каждый день – благодаря гениально простой системе ориентиров, которую она открыла для себя самостоятельно. Сбылось и другое, куда более важное предсказание Питера: эксперименты Кэтрин привели к поразительным открытиям, способным перевернуть все существующие представления о мире. Кэтрин с Питером договорились не предавать результаты огласке, пока не разберутся в глубинном смысле открытий.

Впрочем, в скором времени Кэтрин собиралась обнародовать одно из самых значительных научных открытий в истории человечества.

«Тайная лаборатория в тайном музее», – подумала она и вставила карточку в прорезь замка. Загорелись кнопки, и Кэтрин ввела свой пин-код.

Стальная дверь с шипением открылась.

Изнутри донесся знакомый глухой стон, и в коридор хлынул холодный воздух. Сердце Кэтрин, как всегда, застучало быстрее.

«Более странным путем до работы еще никто не добирался».

Собравшись с духом, Кэтрин взглянула на часы и ступила в темноту, по-прежнему раздумывая о том, что тревожило ее весь вечер.

«Где Питер?»

Начальник полиции Капитолия Трент Андерсон отвечал за безопасность комплекса больше десяти лет. Широкоплечий рыжеволосый здоровяк с суровым лицом неизменно стригся под ежик, что делало его похожим на бравого воина. Внушительный пистолет на поясе производил должное впечатление на тех, кто имел смелость усомниться в широте его полномочий.

Основной задачей Андерсона было контролировать работу небольшой армии полицейских. Делал он это из центрального пункта наблюдения, расположенного в цокольном этаже Капитолия и оборудованного по последнему слову техники. Отсюда Андерсон следил за техническими специалистами (они, в свою очередь, наблюдали за мониторами и показаниями различных приборов) и телефонным коммутатором – благодаря ему начальник полиции был на связи со всеми своими подчиненными.

Вечер выдался на редкость спокойный, и Андерсон надеялся хоть одним глазком посмотреть футбольный матч (у него в кабинете висела плазменная панель). Но только началась игра, как раздался звонок.

Андерсон, не отрываясь от телевизора, разочарованно вздохнул и нажал кнопку:

– Слушаю.

– Шеф, в Ротонде беспокойно. Я направил туда людей, но вы бы лучше взглянули...

– Сейчас.

Андерсон вошел в нервный узел службы безопасности – небольшую, современно обставленную комнату, напичканную мониторами.

– Что у тебя?

Диспетчер вывел на экран цифровой видеоролик.

– Ротонда, снято камерой восточного балкона двадцать секунд назад. – Он нажал кнопку воспроизведения.

Андерсон склонился над плечом диспетчера и стал смотреть ролик.

Ротонда почти пустовала: лишь несколько туристов бродили по залу. Наметанный глаз Андерсона сразу заметил одинокого посетителя, который двигался быстрее остальных. Бритая голова. Зеленый армейский китель. Рука на перевязи. Легкая хромота. Сутулая спина. Говорит по мобильному.

Шаги посетителя гулко отдавались в динамиках, пока он не остановился ровно посередине Ротонды. Бритоголовый договорил по телефону и присел будто бы завязать шнурок, но вместо этого вынул из перевязи какой-то предмет и поставил его на пол. Затем поднялся и торопливо заковылял к выходу.

Андерсон присмотрелся к таинственному предмету.

«Что это, черт подери?»

Вещица примерно восьми дюймов в высоту стояла вертикально. Андерсон приблизился почти вплотную к экрану и прищурился.

«Не может быть!»

Как только странный посетитель скрылся в восточной галерее, рядом с камерой зазвучал детский голос: «Мам, дядя что-то уронил!» Мальчик зашагал к предмету и вдруг резко остановился. Секунду спустя он показал на предмет пальцем и оглушительно завопил.

В ту же секунду начальник полиции развернулся и побежал к двери, на ходу отдавая

приказы:

– Всем постам! Задержать бритоголового мужчину с перевязанной рукой! Живо!

Вылетев за дверь, Андерсон помчался вверх по лестнице, перескакивая через три ступеньки разом. Камеры показали, что бритый вышел из Ротонды через восточную галерею. Оттуда быстрее всего попасть на улицу можно было через находившийся неподалеку коридор, идущий с востока на запад.

«Успею перехватить».

Андерсон поднялся по лестнице, свернул за угол и окинул взглядом тихий коридор. Вдалеке прогуливалась пожилая пара, а поблизости блондин в синем блейзере читал путеводитель и разглядывал мозаичный потолок.

– Извините, сэр! – рявкнул Андерсон, подбегая к блондину. – Вы не видели лысого мужчину с перевязанной рукой?

Турист растерянно поднял глаза.

– Бритый наголо, рука на перевязи! – повторил Андерсон. – Видели такого?

Блондин помедлил и с тревогой покосился в дальний конец коридора.

– Э-э... да. Он пробежал мимо... к той лестнице.

Андерсон заорал в рацию:

– Всем постам! Подозреваемый движется к юго-восточному выходу. Все туда!

Он убрал рацию, вытащил пистолет из кобуры и ринулся к выходу.

Через полминуты из дверей восточного крыла Капитолия спокойно вышел на улицу высокий блондин в синем блейзере. Он с удовольствием втянул прохладный вечерний воздух и улыбнулся.

Перевоплощение удалось на славу.

Всего минуту назад он проковылял из Ротонды в темную нишу, где скинул армейскую куртку и остался в блейзере. Затем надел плотно сидящий светлый парик и, достав из кармана путеводитель по Вашингтону, с непринужденным видом вышел из ниши.

«Перевоплощение – мой дар».

Ноги послушно несли Малаха к ждавшему его лимузину; он расправил плечи и распрямился во весь свой огромный рост – шесть футов три дюйма. Малах набрал полные легкие воздуха и почувствовал, как татуированный феникс на груди расправил крылья.

«Жаль, вы не догадываетесь о моей силе, – подумал он, глядя на город. – Сегодня мое превоплощение завершится».

В Капитолии он мастерски провернул задуманное, уважив все древние обряды. «Приглашение» доставлено. Если Лэнгдон еще не понял, что от него требуется, то скоро поймет.

Ротонда Капитолия – как и собор Святого Петра в Риме – неизменно потрясала воображение Роберта Лэнгдона. Умом он понимал, что это огромный зал, в котором запросто уместится статуя Свободы, но всякий раз Ротонда казалась больше и благодатнее, чем он ожидал, – как будто в воздухе витали духи. Однако сегодня в зале царил лишь хаос.

Полицейские оцепили Ротонду, в то же время пытаясь отгонять взбудораженных туристов от ампутированной кисти. Ребенок до сих пор плакал.

Сверкнула вспышка – какой-то посетитель захотел сфотографировать руку. Камеру тут же отобрали, а самого туриста увели. В суматохе Лэнгдон медленно, как в трансе, пробрался сквозь толпу и подошел к руке.

Отрезанная правая кисть Питера Соломона стояла прямо, насаженная на деревянное основание. Три пальца прилегали к ладони, а большой и указательный были направлены в потолок.

– Все назад! – крикнул полицейский.

Теперь Лэнгдон отчетливо видел кровь, запекшуюся на дереве.

«Раны, нанесенные после смерти, не кровоточат... Питер жив».

Профессор не знал, плакать ему или радоваться. Выходит, резали по живому? К горлу Лэнгдона подкатила желчь. Он вспомнил, сколько раз пожимал эту самую руку и радовался теплым объятиям наставника.

На несколько секунд его разум опустел – точно по экрану телевизора пошли помехи. Первый образ, пришедший в голову, оказался в высшей степени неожиданным.

«Венец... и звезда».

Лэнгдон сел на корточки, разглядывая указательный и большой пальцы Питера.

«Татуировки?!»

Невероятно, этот изверг не только отрезал руку, но и наколол на подушечках пальцев какие-то символы!

На большом пальце – венец. На указательном – звезду.

«Не может быть!»

Два символа мгновенно всплыли в памяти Лэнгдона, превратив и без того страшную сцену в нечто почти сверхъестественное. В истории человечества эти знаки не раз появлялись вместе, и всегда на кончиках пальцев.

Рука мистерий, один из древнейших магических символов...

Теперь она мало где встречалась, но в давние времена означала мощный призыв к действию. Лэнгдон силился понять смысл этого предмета. «Кто-то сделал из руки Питера Руку мистерий?!» Немыслимо. Обычно ее рисовали, вырезали из камня или дерева. Лэнгдон никогда не слышал, чтобы Руку мистерий делали из настоящей человеческой плоти. Сама мысль об этом вызывала тошноту.

– Сэр, – обратился к нему полицейский, – отойдите, пожалуйста.

Лэнгдон почти его не услышал.

«Есть и другие татуировки».

Профессор знал, что на каждом из трех пальцев, прижатых к ладони, выколот символ. Всего – пять. За тысячи лет символы на Руке мистерий ни разу не менялись... не менялся и ее первоначальный смысл.

«Рука означает... приглашение».

Лэнгдон похолодел, вспомнив слова человека, который заманил его сюда. «Профессор, вы получите уникальное приглашение». В древности Рука мистерий была самым почетным и желанным приглашением на земле. Человек, которому ее преподносили, мог стать членом тайного общества, якобы оберегавшего мудрость веков. Такое приглашение не только было большой честью, но и означало, что тебя сочли достойным тайной мудрости. «Рука учителя, протянутая ученику».

– Сэр, – сказал полицейский, хватая Лэнгдона за плечо, – немедленно отойдите!

– Я знаю, что это, – выдавил Роберт. – Я могу помочь.

– Уйдите!

– Мой друг попал в беду. Необходимо...

Сильные руки подняли Лэнгдона и увели прочь. Он не сопротивлялся... слишком был потрясен.

Ему только что вручили торжественное приглашение. Кто-то просил Роберта Лэнгдона открыть некий портал, ведущий в мир древних тайн и скрытых знаний.

Безумие.

Бред сумасшедшего.

Лимузин Малаха катил прочь от Капитолия – на восток по Индепенденс-авеню. Юная парочка на тротуаре с любопытством покосилась на тонированные стекла автомобиля, пытаясь разглядеть за ними какую-нибудь важную персону.

«Не туда смотрите, я за рулем», – с улыбкой подумал Малах.

Поездки в этой солидной машине дарили ему чувство собственного превосходства и могущества. К тому же ни один из его пяти автомобилей не мог предоставить то, что сегодня вечером было необходимо: гарантию уединения. Полного уединения. В Вашингтоне лимузины обладали негласными привилегиями – эдакие посольства на колесах. Чтобы ненароком не навлечь на себя гнев какого-нибудь влиятельного политика, полицейские, работавшие вокруг Капитолийского холма, лимузины не останавливали.

Проезжая по мосту над Анакостией в сторону Мэриленда, Малах кожей чувствовал, как приближается к Кэтрин, – сама судьба влекла их друг к другу.

«Сегодня я должен выполнить еще одно задание... Более чем неожиданное».

Минувшей ночью, когда Питер выдал свою последнюю тайну, Малах узнал о существовании секретной лаборатории, где Кэтрин Соломон творила чудеса: если ее сенсационные открытия увидят свет, мир необратимо изменится.

«Ее работа явит миру истинную природу вещей».

Много веков подряд блестящие умы человечества пренебрегали древними знаниями, считая их предрассудками, уделом непросвещенных. Вместо них люди взяли на вооружение снисходительный скептицизм и умопомрачительные новые технологии, однако это увело их еще дальше от истины.

«Каждое новое поколение опровергало открытия предыдущего».

Люди тысячелетиями бродили в темноте... но теперь, как гласили пророчества, грядут перемены. Скитаясь вслепую во мраке, человечество наконец вышло на перепутье. Этот миг предсказывали древние писания, календари и сами звезды. Он неумолимо приближался. Сначала будет ослепительная вспышка прозрения... яркий свет знаний озарит тьму и укажет людям путь от края бездны.

«Я пришел затмить этот свет, – подумал Малах. – Таково мое предназначение».

Судьба свела его с Питером и Кэтрин Соломон. Открытия Кэтрин дадут толчок новой форме мышления, новому духовному возрождению и послужат катализатором поисков людьми утраченной мудрости, которая наделит их небывалой силой.

«Предназначение Кэтрин – зажечь факел.

Мое – потушить его».

В полной темноте Кэтрин Соломон нащупала тяжелую освинцованную дверь лаборатории и торопливо вошла в маленький тамбур. Дорога заняла у нее всего полторы минуты, но сердце колотилось, как сумасшедшее.

«За три года могла бы и привыкнуть».

Кэтрин с неизменным облегчением ступала из крошечной мглы Пятого отсека в чистое, ярко освещенное пространство.

Куб напоминал огромную коробку без окон. Стены и потолок были обиты жесткой сеткой из покрытого титаном свинцового волокна, отчего складывалось впечатление, что в бетонные стены вмонтировали гигантскую клетку. Плексигласовые перегородки делили пространство на несколько комнат: лабораторию, аппаратную, технический отсек, уборную и небольшую научную библиотеку.

Кэтрин быстро вошла в главную лабораторию. В стерильном помещении сверкало сверхсовременное оборудование: спаренные электроэнцефалографы, фемтосекундный синтезатор оптических частот, магнитооптическая ловушка и квантовый генератор случайных чисел.

Хотя в ноэтике использовались передовые технологии, сами по себе открытия завораживали больше, чем вид сложнейших машин, с помощью которых их совершали. Смесь магии и мифов быстро становилась реальностью; новые сенсационные данные подтверждали главную идею ноэтики – истинный потенциал человеческого разума еще не раскрыт.

Основной тезис звучал просто: нам видна лишь верхушка айсберга интеллектуальных и духовных возможностей человека.

Эксперименты, проводимые в Институте ноэтических наук (IONS) и Принстонской лаборатории аномальных исследований (PEAR), однозначно доказали: человеческая мысль, если направить ее должным образом, способна влиять на физическую массу. Ученые занимались не дешевыми фокусами вроде сгибания ложек, а серьезными научными исследованиями, и все они приводили к одному поразительному результату: наши мысли влияют на окружающий мир на глубинном, субатомном, уровне.

«Победа разума над материей».

После трагедии 11 сентября 2001 года ноэтика сделала качественный рывок вперед. Четверо ученых обнаружили, что, когда общее горе сплотило миллионы напуганных людей по всему миру, данные тридцати семи генераторов случайных чисел в разных городах стали куда *менее* случайными. Совместное переживание множества людей каким-то образом повлияло на генерацию чисел и создало порядок из хаоса.

Сенсационное открытие перекликалось с древней верой в «космическое сознание» – сплав человеческих мыслей, способный взаимодействовать с материальным миром. Недавние исследования массовых медитаций и молитв так же подтверждали, что человеческое сознание, как описывает его Линн Мактаггарт, автор трудов по ноэтике, есть субстанция, выходящая за пределы тела... высокоорганизованная энергия, которая может влиять на окружающий мир. Кэтрин пришла в восторг от книги Мактаггарт «Эксперимент с намерением» и наблюдений, изложенных на сайте www.theintentionexperiment.com, где объясняется, как наши намерения могут менять мир. Интерес Кэтрин вызвал и ряд других

работ.

Взяв их за основу, Кэтрин Соломон пошла дальше и доказала, что «направленная мысль» может воздействовать на что угодно – на рост растений, движение рыбок в аквариуме, деление клеток в чашке Петри, синхронизацию обособленных автоматизированных систем и химические реакции в организме. Разум влияет даже на образование кристаллических структур: когда Кэтрин думала о замораживаемой воде с любовью, у нее получались идеально симметричные кристаллы дивной красоты. И наоборот – дурные мысли создавали искривленные, хаотичные формы.

«Человеческая мысль воздействует на материальный мир».

Кэтрин проводила все более смелые эксперименты, и результаты не переставали поражать. Лабораторные опыты показали, что «победа разума над материей» не просто очередная оккультная мантра XXI века. Разум способен менять состояние вещества, и, что еще важнее, имеет направляющую силу.

«Человек – хозяин вселенной».

Кэтрин установила, что частицы на субатомном уровне появляются и исчезают по одному ее желанию их наблюдать. То есть, само намерение увидеть частицу создает частицу. Несколько десятилетий назад на это намекал Гейзенберг, а теперь этот принцип лег в основу нозтики. Как писала Линн Мактаггарт, «живое сознание есть фактор, превращающий вероятность чего-либо в нечто реально существующее. Самый важный ингредиент для создания вселенной – это сознание того, кто ее наблюдает».

Однако больше всего поражал другой вывод: оказалось, что способность разума влиять на окружающий мир можно *развить*. Это приобретаемый навык. Подобно медитации, овладение истинной «силой мысли» требовало тренировки. Мало того, у некоторых эта способность при рождении была развита лучше, чем у других, однако истинными мастерами становились единицы. «Вот она – недостающая связь между современной наукой и древним мистицизмом». Кэтрин узнала это от своего брата... Тревога за Питера не отступала. Кэтрин подошла к двери в библиотеку и заглянула внутрь. Никого.

Библиотека представляла собой небольшую комнатку: два кресла, деревянный стол, два напольных торшера и во всю стену – стеллаж красного дерева, вмещавший полтысячи томов. Кэтрин и Питер собрали здесь любимые труды, сочинения обо всем на свете – от физики элементарных частиц до древнего мистицизма. Их коллекция представляла собой эклектичную смесь нового и старого, передового и исторического. Книги Кэтрин носили названия вроде «Квантовое сознание», «Новая физика» и «Принципы нейробиологии». Питер же приносил книги с эзотерическими заголовками вроде: «Кибалион», «Зогар», «Танцующие мастера У-ли» и переводы шумерских глиняных табличек из Британского музея.

– Ключ к будущему нашей науки, – говаривал брат, – лежит в прошлом.

Всю жизнь изучая историю, науку и мистицизм, Питер всячески поддерживал желание сестры дополнить университетское образование основами герметической философии. К девятнадцати годам Кэтрин заинтересовала связь между современной наукой и древними сакральными знаниями.

– Скажи мне, Кэт, – однажды спросил ее Питер, когда она приехала домой на каникулы, – какую литературу по теоретической физике йельские второкурсники должны прочесть за лето?

Кэтрин огласила длинный список.

– Впечатляет. Эйнштейн, Бор и Хокинг – гении современной физики. Но разве вас не

просили ознакомиться с учениями... более ранними?

Кэтрин задумалась.

– Ньютона, что ли?

Питер улыбнулся:

– Еще более ранними.

В двадцать семь лет ее брат уже сделал себе имя в научных кругах, и они с Кэтрин частенько развлекались подобными интеллектуальными дуэлями.

«Что-то до Ньютона?» Кэтрин вспомнились мудрецы древности вроде Птолемея, Пифагора и Гермеса Трисмегиста. «Да ведь сейчас их никто не читает!»

Брат провел пальцем по длинному ряду пыльных томов в потрескавшихся кожаных переплетах.

– Наши предки обладали поразительными научными знаниями... современная физика только начинает их постигать.

– Питер, – сказала Кэтрин, – ты уже говорил, что египтяне задолго до Ньютона знали все о блоках и рычагах, а первые алхимики работали согласно принципам современной химии, но что с того? Сегодня мы имеем дело с такими понятиями, какие и не снились мудрецам древности!

– Например?

– Ну... взять хоть квантовую сцепленность! – Субатомные исследования показали, что вся материя взаимосвязана... сцеплена в единую сеть... нечто вроде вселенской первоосновы. Хочешь сказать, древние сидели и обсуждали теорию сцепленности?

– Именно! – воскликнул Питер, откинув со лба длинную темную прядь. – Сцепленность лежала в основе первобытных верований. Эти слова стары, как мир: дхармакая, дао, брахман... Первой духовной миссией человека было постичь свою сцепленность, почувствовать взаимосвязь со всем сущим. Он всегда хотел стать единым со вселенной... добиться единения, или at-one-ment.^[1] – Питер приподнял брови. – Иудеи и христиане по сей день стремятся к atonement, искуплению грехов... но большинство из нас забыли, что на самом деле мы ищем at-one-ment.

Кэтрин вздохнула. Трудно спорить с человеком, хорошо подкованным в истории.

– Ладно, но это все общие места. Я же говорю о конкретных физических понятиях.

– Продолжай... – Взглядом Питер бросал ей вызов.

– К примеру, возьмем самое простое – полярность, баланс положительного и отрицательного на субатомном уровне. Очевидно, что древние не могли...

– Стоп! – Брат снял с полки увесистый пыльный том и бухнул его на стол. – Современная полярность – не что иное, как «двойственность» мира, более двух тысяч лет назад описанная Кришной в «Бхагавадгите». Десятки других книг, включая «Кибалион», говорят о двойных системах и противоборствующих силах природы.

Кэтрин недоверчиво посмотрела на брата.

– Да, но если говорить о современных открытиях в квантовой физике – о принципе неопределенности Гейзенберга, к примеру...

– ...то нужно непременно заглянуть сюда. – Питер взял с полки другой фолиант. – Вот, священные индуистские писания, или упанишады. – Он с грохотом опустил второй том на первый. – С помощью этих текстов Гейзенберг и Шрёдингер смогли точнее сформулировать свои теории.

Дуэль длилась несколько минут, и стопка книг на столе все росла. Наконец Кэтрин

всплеснула руками.

– Ладно, ладно! Ты прав, но я хочу изучать передовую теоретическую физику. Будущее науки! Едва ли Кришне и Вьясе было что сказать о теории суперструн и многомерных космологических моделях.

– Верно, не было. – Питер умолк, и его губы растянулись в улыбке. – О теории суперструн можно прочесть здесь. – Он вновь подошел к стеллажу, вынул огромный том и бухнул его на стол. – Средневековый арамейский текст, переведенный в тринадцатом веке.

– Теория суперструн в Средневековье?! Да брось! – Кэтрин и не думала верить брату.

Теория суперструн представляет собой новейшую космологическую модель. На основании последних научных наблюдений предполагается, что многомерная вселенная состоит не из трех, а из десяти измерений, взаимодействующих друг с другом подобно вибрирующим струнам – как струны скрипки.

Кэтрин подождала, пока брат откроет книгу, быстро пробежит глазами узорное оглавление и найдет нужное место.

– Прочти. – Он показал ей выцветшую страницу с текстом и чертежами.

Кэтрин покорно взялась за чтение. Перевод был старый и трудночитаемый, но, к вящему удивлению Кэтрин, текст и рисунки явно описывали точно такую же космологическую модель, какой ее рисовала теория суперструн – десятимерную вселенную из резонирующих струн. Прочитав еще немного, Кэтрин потрясенно воскликнула:

– Господи, здесь даже описано, что шесть из всех этих измерений связаны между собой и действуют, как одно! – Она попятилась. – Что это за книга?!

Брат широко улыбнулся:

– Надеюсь, однажды ты ее прочтешь.

На обложке витиеватым шрифтом были выписаны слова: «Книга Зогар».

Кэтрин никогда ее не читала, но знала, что это важнейший трактат раннего еврейского мистицизма. По мнению древних, книга обладала такой силой, что читать ее могли лишь самые просвещенные раввины.

Кэтрин уставилась на фолиант.

– То есть первые мистики знали, что мир состоит из десяти измерений?

– Конечно. – Питер указал ей на десять связанных между собой кругов, называемых сфиротами. – Названия эзотерические, но физика более чем современная.

Кэтрин не знала, что и думать.

– Тогда... почему люди не изучают «Зогар»?

Питер усмехнулся:

– Будут, вот увидишь.

– Не понимаю.

– Кэтрин, мы с тобой родились в чудесное время. Грядут великие перемены. Люди стоят на пороге нового века, когда они вновь обратят свои взоры к природе и древним знаниям... идеям «Зогара» и других писаний со всего света. Истина обладает силой притяжения, влечет к себе людей. Настанет день, когда современная наука всерьез примется за изучение древней мудрости... и в этот день человечество найдет первые ответы на важные вопросы, которые прежде от него ускользали.

Вечером Кэтрин с жадностью приступила к чтению старинных текстов и вскоре поняла, что брат прав: древние обладали глубокими научными познаниями. Современная наука не столько «открывала», сколько «находила заново». Казалось, однажды люди смогли ухватить

суть вселенной... но потом забыли об этом. «Современная физика поможет нам вспомнить!» – подумала тогда Кэтрин и превратила эту задачу в дело своей жизни: используя передовые технологии, вновь обрести утраченную мудрость древних. Кэтрин гнал вперед не только научный пыл; она была твердо убеждена, что сегодня человечеству необходимы эти знания... как никогда.

На вешалке у дальней стены лаборатории виднелись белые халаты – Питера и ее собственный. Кэтрин машинально достала из кармана мобильный и проверила, нет ли новых сообщений. Пусто. В голове опять зазвучал мужской голос: «То, что, по мнению вашего брата, спрятано в Вашингтоне... Это можно найти. Порой легенда, выдержавшая испытание временем... выдерживает его не случайно».

– Нет, – сказала Кэтрин. – Не может быть.

Порой легенда – это просто легенда.

Начальник полиции Капитолия Трент Андерсон помчался к Ротонде. Его ребята опять дали маху – в нише рядом с восточной галереей один из охранников нашел повязку и армейскую куртку.

«Преступник спокойно вышел на улицу!»

Андерсон отдал распоряжение о просмотре записей наружных камер видеонаблюдения, но пока служба безопасности что-нибудь найдет, злоумышленник успеет скрыться.

Теперь, войдя в Ротонду для оценки ущерба, Андерсон увидел, что его люди взяли ситуацию под контроль. Все четыре входа в зал были перекрыты самым неприметным из имевшихся у службы безопасности способом: бархатный канат, рядом охранник с виноватым лицом и табличка с надписью «В зале идет уборка». Всех свидетелей согнали в восточную часть Ротонды – охранники собирали у них мобильные и фотоаппараты. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь отправил снимок с камеры телефона в Си-эн-эн.

Один из свидетелей – высокий, темноволосый мужчина в твидовом пиджаке – тщетно пытался прорваться к начальнику службы безопасности и в данный момент оживленно спорил с охранниками.

– Сейчас я с ним поговорю, – сказал им Андерсон. – А пока не выпускайте никого из главного вестибюля.

Он вновь посмотрел на ампутированную кисть, торчавшую посреди зала. Господи! За пятнадцать лет службы в полиции Капитолия Андерсон всякого насмотрелся, но подобное видел впервые.

«Скорей бы криминалисты приехали и унесли эту дрянь из моего здания».

Андерсон подошел ближе и увидел окровавленное запястье, насаженное на деревянное основание. «Дерево и плоть, – подумал он. – Потому детекторы ничего и не обнаружили». Единственным металлическим предметом был массивный золотой перстень – вероятно, преступник выдал его за свой.

Андерсон присел на корточки и внимательно осмотрел руку. Она принадлежала человеку лет шестидесяти; перстень-печатка с двуглавой птицей и числом 33. И то и другое Андерсон видел впервые. Впрочем, больше всего в глаза бросались татуировки на подушечках пальцев.

«Фантазер проклятый!»

– Шеф? – К нему подбежал охранник с телефонной трубкой. – Вам только что поступил личный звонок.

Андерсон посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Я вообще-то делом занят.

Охранник побледнел. Он прикрыл трубку рукой и прошептал:

– Это из ЦРУ.

Андерсон оцепенел.

«Они уже в курсе?!»

– Из Службы безопасности, – добавил охранник.

«Вот черт!» – подумал Андерсон и покосился на телефонную трубку.

В бескрайнем океане Вашингтонских разведывательных служб Служба безопасности ЦРУ была чем-то вроде Бермудского треугольника – таинственная и опасная область, от

которой все старались держаться подальше. Наделенная саморазрушающими на первый взгляд полномочиями, СБ ЦРУ была создана с единственной и более чем странной целью – шпионить за самим ЦРУ. Подобно могущественному органу внутренних дел, она проверяла своих же сотрудников на предмет всевозможных нарушений: финансовых злоупотреблений, продажи тайн, кражи секретных технологий, использования запрещенных методов допроса.

«Шпионят за шпионами», – подумал Андерсон.

СБ имела карт-бланш во всех делах, касающихся национальной безопасности. Андерсон не представлял, чем случившееся могло заинтересовать СБ и как там столь быстро об этом пронюхали. Впрочем, говорят, глаза у них повсюду. Как знать, вдруг на их мониторы идет прямая трансляция со всех камер Капитолия? И хотя инцидент не попадал в сферу деятельности СБ ЦРУ, звонок поступил в такое время, что мог касаться только отрезанной руки.

– Шеф? – Охранник протягивал ему трубку, точно это была горячая картошка. – Звонок надо принять сейчас. Это... – Он умолк и одними губами произнес: – С-а-т-о.

Андерсон прищурился.

«Бред... – У него вспотели ладони. – Сато собственной персоной?»

О главе СБ ЦРУ – директоре Иноуэ Сато – ходили легенды. Детство, проведенное в калифорнийском лагере для интернированных японцев (сразу после Перл-Харбора), закалило Сато и показало, какими последствиями чреваты промахи военной разведки. Теперь одна из самых высоких должностей в разведывательном управлении требовала от Сато не только несгибаемого патриотизма, но и беспощадности к любому, кто посмеет выступить против. Как Левиафана, скрывающегося в глубине вод, директора СБ видели редко, но неизменно боялись.

Трент Андерсон встречался с Сато лишь однажды. Вспомнив раскосые черные глаза, он невольно возблагодарил Бога за то, что разговор предстоит телефонный.

Андерсон поднес трубку к уху.

– Директор Сато! – как можно дружелюбнее пролепетал он. – Это начальник полиции Капитолия Андерсон. Чем могу...

– В вашем здании находится человек, с которым мне надо поговорить. Прямо сейчас. – Андерсон узнал бы этот голос из тысячи: словно по классной доске царапали камнем. Операция по удалению раковой опухоли из гортани не прошла бесследно: у Сато был ужасный голос и отвратительный шрам на шее в придачу. – Найдите его.

«Всего-навсего найти человека?»

У Андерсона вдруг проснулась надежда, что это действительно совпадение.

– Кто именно вам нужен?

– Роберт Лэнгдон. Он сейчас должен быть в вашем здании.

Лэнгдон? Фамилия показалась Андерсону знакомой, но он так и не вспомнил откуда. Интересно, Сато знает о руке?

– Я сейчас в Ротонде, здесь туристы... Погодите. – Андерсон опустил трубку и крикнул: – Тут есть кто-нибудь по фамилии Лэнгдон?

Через несколько секунд из толпы раздался мужской голос:

– Да, я – Роберт Лэнгдон.

«Сато знает все».

Андерсон взглянул на отозвавшегося: вид у того был взбудораженный... и отчего-то смутно знакомый.

– Да, мистер Лэнгдон здесь, – сказал Андерсон в трубку.

– Давайте его, – прохрипела Сато.

Андерсон облегченно выдохнул и махнул Лэнгдону.

«Лучше его, чем меня».

И тут начальник полиции вспомнил, где встречал эту фамилию.

«Я же недавно читал о нем статью! Что он тут делает?»

Несмотря на внушительный рост в шесть футов и спортивное телосложение, Лэнгдон не очень-то походил на человека, пережившего катастрофу в Ватикане и облаву в Париже. Он скрылся от французской полиции... в мокалинах?! Ну уж нет, такого скорее встретишь с томиком Достоевского у камелька в библиотеке, где-нибудь в Гарварде или в Принстоне.

– Мистер Лэнгдон? Я начальник полиции Капитолия Трент Андерсон. Вас просят к телефону.

– Меня?! – удивился Роберт.

Андерсон протянул ему трубку.

– Это из Службы безопасности ЦРУ.

– Первый раз слышу.

Начальник полиции недобро улыбнулся:

– Зато они о вас слышали.

Лэнгдон поднес трубку к уху.

– Алло.

– Роберт Лэнгдон? – Хриплый голос директора Сато был таким громким, что Андерсон все слышал, но на всякий случай подошел ближе.

– Да.

– С вами говорит директор Иноуэ Сато, мистер Лэнгдон. В данный момент я пытаюсь урегулировать чрезвычайную ситуацию и надеюсь, что у вас есть необходимые мне сведения.

– Это насчет Питера Соломона? – с надеждой спросил Лэнгдон. – Вы знаете, где он?

«Какой еще Питер Соломон?» – мысленно удивился Андерсон.

– Профессор, сейчас я задаю вопросы.

– Питер Соломон попал в беду! – воскликнул Лэнгдон. – Какой-то ненормальный...

– Извините, – осадил его скрипучим голосом Сато.

Андерсон съежился.

«Это ты зря... А я-то думал, ты не дурак».

Перебить высокопоставленного начальника из ЦРУ во время допроса мог только гражданский.

– Слушайте меня внимательно. Пока мы с вами говорим, над нашей страной сгущается опасность. Мне сказали, что вы располагаете некой информацией, которая поможет избежать катастрофы. Спрашиваю еще раз: что вам известно?

Лэнгдон растерялся.

– Директор Сато, я понятия не имею, о чем вы говорите. Я только хочу найти Питера и...

– Понятия не имеете? – вырвалось у Сато.

Лэнгдон начал терять терпение и ответил более агрессивным тоном:

– Вот именно, сэр. Совершенно не представляю!

Андерсон скривился.

«Дурень, дурень!»

Роберт Лэнгдон только что допустил очень серьезную ошибку в общении с директором Сато.

Впрочем, было уже поздно. В противоположном конце Ротонды возник силуэт директора СБ ЦРУ.

«Сато в Капитолии!»

Начальник полиции затаил дыхание и приготовился к самому плохому.

«А Лэнгдону и невдомек...»

Сато приближалась к профессору сзади: телефон у уха, черные глаза подобно лазерам сверлили спину Лэнгдона.

Профессор отчаянно вцепился в трубку, не понимая, что от него требуется.

– Простите, сэр, – сухо проговорил он, – но я не умею читать мысли. Что вам от меня надо?

– Что мне надо? – проскрежетал в трубке голос директора – хриплый и глухой, как у старика с ангиной.

Кто-то похлопал Лэнгдона по плечу. Он обернулся, опустил глаза... и увидел миниатюрную японку: озлобленное лицо, нездоровая кожа, редеющие волосы, желтые от табака зубы и страшный белый шрам во всю шею. Узловатой рукой женщина прижимала к уху телефон. Лэнгдон услышал в трубке хриплый голос:

– Что мне надо, профессор? – Она спокойно захлопнула телефон и уставилась на Лэнгдона. – Для начала перестаньте называть меня «сэр».

Лэнгдон потрясенно воззрился на Сато:

– Мэм... примите мои извинения. Связь здесь плохая, и...

– Связь нормальная, профессор, – осадила его Сато. – А вот вранья я не потерплю.

Директор Иноуэ Сато была кошмарным созданием: худющая свирепая бестия ростом с большую куклу – четыре фута десять дюймов, – с кожей, похожей на покрытый лишайником гранит: директор страдала витилиго, нарушением пигментации. Мятый синий костюм висел на ней как на вешалке, а расстегнутый воротник ничуть не скрывал жуткого шрама во всю шею. Сослуживцы шутили, что забота Сато о своем внешнем виде проявлялась лишь в регулярном выщипывании густых усов.

Иноуэ Сато возглавляла Службу безопасности ЦРУ больше десяти лет. Комбинация необычайного интеллекта и поразительно тонкой интуиции придавала ей такую самонадеянность, что любой, кто не умел творить чудеса, в ее присутствии поджимал хвост. Даже рак гортани не вышиб Сато из седла. Битва с болезнью стоила ей месяца отсутствия на службе, половины голосового аппарата и трети от общей массы тела, но в офис она вернулась как ни в чем не бывало.

Иноуэ Сато была непобедима.

Роберт Лэнгдон предположил, что не он первый принял ее голос за мужской, однако директор по-прежнему буравила его злым взглядом.

– Еще раз прошу меня простить, мэм, – сказал Лэнгдон. – Я еще не разобрался, что к чему. Меня заманил в Вашингтон какой-то человек, якобы похитивший Питера Соломона. – Он достал из кармана факс. – Вот что мне прислали утром. Я записал номер самолета, на котором летел. Если позвонить в федеральное управление авиации, можно выйти на хозяина...

Сато выхватила у Лэнгдона листок и, не читая, сунула в карман.

– Профессор, это расследование веду я, поэтому прошу вас молчать, если не спрашивают.

Сато развернулась к начальнику полиции.

– Андерсон, – сказала она, сверля его крошечными черными глазками, – объясните мне, что здесь происходит. Охранник у восточных ворот сказал, что вы нашли на полу ампутированную кисть руки. Это правда?

Андерсон отступил и показал директору Сато обнаруженный предмет.

– Да, мэм, буквально несколько минут назад.

Она посмотрела на руку как на ненужную тряпку.

– Почему вы не доложили об этом, когда я позвонила?

– Я... думал, вы в курсе.

– Не лгите.

Андерсон сник под ее взглядом, но его голос прозвучал уверенно:

– Мэм, все под контролем.

– Сомневаюсь, – столь же уверенно возразила Сато.

– Криминалисты уже едут. Преступник мог оставить отпечатки пальцев.

Сато недоверчиво поджала губы.

– Раз ему хватило ума пройти мимо вашей охраны, спрятав человеческую руку, то вряд ли он оставил отпечатки.

– Да, но я обязан провести расследование.

– Я освобождаю вас от этой обязанности и беру ее на себя.

Андерсон оцепенел.

– Разве это прерогатива СБ?

– Конечно. Под угрозой национальная безопасность.

«Рука Питера и национальная безопасность?» – подумал Лэнгдон, ошарашенно следя за их разговором. Он понял, что его главная цель – найти Питера – не совпадает с целью Сато. Директора СБ ЦРУ заботило совсем другое.

Андерсон тоже растерялся.

– Национальная безопасность, говорите? При всем уважении, мэм...

– Насколько мне известно, – перебила его Сато, – я выше вас по званию. Предлагаю вам делать то, что велено, – и без лишних вопросов.

Андерсон кивнул и судорожно сглотнул.

– Хорошо, но не стоит ли снять отпечатки хотя бы с самой руки – подтвердить, что это рука Питера Соломона?

– Я это подтверждаю, – вмешался Лэнгдон, чувствуя тошнотворную уверенность в своей правоте. – Я узнаю перстень... и руку. – Он умолк. – А вот татуировок раньше не было. Полагаю, их накололи недавно.

– Что? – Впервые с минуты своего прибытия Сато выглядела растерянной. – Рука татуирована?

Лэнгдон кивнул:

– На большом пальце венец, на указательном – звезда.

Сато вынула из кармана очки и, точно акула, стала кругами приближаться к руке.

– Хотя подушечки остальных пальцев не видны, – добавил Лэнгдон, – на них тоже есть изображения.

Директор СБ подозвала к себе начальника полиции Капитолия:

– Андерсон, посмотрите.

Он осторожно опустился на колени рядом с рукой и приник щекой к полу, заглядывая под прижатые к ладони пальцы.

– Он прав, мэм. На всех пальцах имеются татуировки, но я не вижу...

– Солнце, фонарь и ключ, – выдавил Лэнгдон.

Сато окинула его оценивающим взглядом.

– И откуда вам это известно?

Лэнгдон бросил на нее ответный взгляд.

– Изображение человеческой руки с отметками на кончиках пальцев – очень древний символ. Его называют «Рука мистерий».

Андерсон поднялся на ноги.

– У этой штуки есть название?!

Лэнгдон кивнул.

– Да, это один из самых тайных знаков древности.

Сато вскинула голову.

– Тогда позвольте спросить, что он делает посреди Капитолия?

«Кошмар продолжается...» – подумал Лэнгдон.

– По традиции, мэм, это приглашение.

– Приглашение... куда? – спросила директор СБ.

Лэнгдон еще раз взглянул на татуированные символы.

– Вот уже много веков Рука мистерий служит своеобразной повесткой. По сути, это

приглашение узнать тайную мудрость, известную лишь избранным.

Сато скрестила на груди тощие руки и черными как уголь глазами впиалась в Лэнгдона.

– Что ж, профессор, для человека, который якобы понятия не имеет, зачем он тут... вы неплохо справляетесь.

Кэтрин Соломон накинула белый халат и начала свой обычный «обход», как называл это Питер. словно заботливая мать, проверяющая, уснул ли ребенок, она заглянула в технический отсек: водородная энергетическая установка спокойно работала, на подставках покоились запасные резервуары.

Кэтрин прошла по коридору в хранилище данных. В кондиционируемой камере безмятежно гудели два резервных голографических накопителя. «Вся моя работа», – подумала Кэтрин, глядя на них сквозь трехдюймовое ударопрочное стекло. Голографические накопители (в отличие от своих предшественников размером с холодильник) больше походили на две аудиоколонки – каждая на своем пьедестале. Они содержали одинаковую информацию и постоянно синхронизировались. Как правило, такую систему резервного хранения данных рекомендуют устанавливать вне рабочего места – на случай землетрясения, пожара или кражи, – однако Кэтрин и Питер сошлись на том, что секретность превыше всего. За пределами этих стен информация могла попасть в чужие руки.

Убедившись, что все функционирует как надо, Кэтрин вернулась к началу коридора и вдруг увидела нечто странное: в противоположном конце лаборатории что-то светилось. Она поспешила туда и с удивлением заметила сияние, исходившее из-за плексигласовой стены аппаратной комнаты.

«Он здесь!»

Кэтрин подлетела к двери и распахнула ее.

– Питер! – крикнула она, вбегая в аппаратную.

Сидевшая за терминалом пухленькая женщина резко подскочила.

– Господи, Кэтрин! Вы меня напугали!

Триш Данн – единственная, кому позволяли здесь находиться, – была специалистом по анализу метасистем и редко работала по выходным. Перед выходом на работу двадцатилетняя рыжеволосая девушка подписала документ о неразглашении, достойный КГБ. Сегодня она анализировала данные, сидя перед плазменной стеной – огромным плоским монитором, который будто бы привезли из центра управления полетами НАСА.

– Простите, – сказала Триш, – я не знала, что вы так рано. Думала закончить до вашего с Питером приезда.

– Вы с ним говорили? Он опаздывает и не берет трубку.

Триш покачала головой.

– Наверное, еще не разобрался с новым айфоном.

«Хорошо, хоть кто-то из нас еще может шутить».

Тут Кэтрин на ум пришла новая мысль.

– Вообще-то хорошо, что вы здесь. Поможете мне в одном деле?

– Видно, это поважнее футбола.

Кэтрин сделала глубокий вдох.

– Не знаю, как это объяснить, но сегодня днем мне рассказали странную историю...

Эта история явно выбила Кэтрин из колеи. В обычно спокойных серых глазах читалась тревога, и она уже трижды заправила волосы за уши – «тревожный маячок», как говорила Триш.

«Блестящий ученый и никудышный игрок в покер».

– По мне, так это скорее вымысел, древняя легенда... – продолжала Кэтрин. – И все же... – Она опять убрала прядь за ухо.

– И все же?

Вздых.

– И все же сегодня из надежного источника я узнала, что это правда.

– Та-ак...

«Ну и куда же мы клоним?» – подумала Триш.

– Я хочу поговорить об этом с Питером, но сначала попрошу вас о помощи. Мне интересно, не упоминается ли эта легенда где-нибудь в мировой истории.

– Во всей истории человечества?

Кэтрин кивнула:

– Да, в любой стране, на любом языке, в любое время.

«Странная просьба, – подумала Триш, – впрочем, выполнимая». Десять лет назад это было невозможно, но сегодня благодаря Интернету и непрекращающейся оцифровке материалов крупнейших библиотек и музеев выполнить просьбу Кэтрин не составляло большого труда: хватило бы сравнительно простой поисковой системы, множества переводящих модулей и нескольких тщательно подобранных ключевых слов.

– Запросто! – ответила Триш.

Для некоторых исследований Кэтрин требовались отрывки из древних писаний, поэтому Триш частенько разрабатывала для сканера специальные модули, способные переводить тексты с неизвестных языков на английский. Должно быть, Триш была единственным специалистом по метасистемам, писавшим программы-переводчики с оптическим распознаванием символов древнефризского, когурё или аккадского.

Эти модули несомненно бы пригодились, однако для создания эффективного «паука» важнее всего было подобрать ключевые слова.

«Запрос должен быть уникальным, но не чересчур строгим».

Кэтрин опередила Триш и уже записывала на листок возможные фразы. Немного подумав, она добавила еще несколько слов и протянула листок Триш:

– Вот.

Та ознакомилась со списком и удивленно распахнула глаза. Безумие какое-то, а не легенда!

– Надо найти все эти фразы?! – Одно слово Триш вообще видела впервые. Это хоть английский? – Они должны встречаться в одном документе? Так и ввести, дословно?

– Давайте попробуем.

Триш воскликнула бы «Невозможно!», однако пользоваться этим словом в лаборатории строго воспрещалось: Кэтрин считала, что его опасно произносить там, где априори ложные представления подчас оказывались истинной правдой. Однако Триш Данн сомневалась, что поиск по ключевым фразам попадет в эту категорию.

– Сколько вам нужно времени? – спросила Кэтрин.

– Несколько минут на написание и запуск «паука». А потом минут пятнадцать на поиски.

– Всего-то? – удивилась Кэтрин.

Триш кивнула. Обычной поисковой машине потребовался бы целый день, чтобы прошерстить всю интернет-вселенную, найти новые документы, переварить и добавить в

поисковую базу их содержание, но Триш решила написать совсем другого поискового «паука».

– Программа называется «Делегатор», – объяснила она Кэтрин. – Это не совсем законно, зато быстро. По сути, она приказывает другим поисковым машинам делать за нее всю работу. У большинства баз данных – библиотек, музеев, университетов, правительственных организаций – есть свои поисковики. Мой «паук» найдет их, введет ключевые фразы и попросит выполнить поиск. Таким образом, на нас будут работать тысячи поисковых машин одновременно.

Кэтрин восхищенно кивнула:

– Параллельная обработка данных.

«Тоже своего рода метасистема».

– Я позову вас, если что-нибудь найду.

– Спасибо огромное, Триш. – Кэтрин похлопала ее по плечу и направилась к двери. – Я в библиотеке.

Триш начала писать программу. Создать поискового «паука» было для нее плевым делом, но она не брезговала даже такой работой. Иногда Триш по-прежнему не верила своему счастью – подумать только, работать на Кэтрин Соломон! Для своей начальницы она сделала бы что угодно.

«Ты прошла долгий путь, детка».

Чуть больше года назад Триш ушла из крупной компьютерной корпорации, где работала специалистом по анализу метасистем и чувствовала себя обычным офисным планктоном. В свободное время она выполняла частные заказы и вела блог: «Перспективы применения компьютерного анализа метасистем», хотя вряд ли его кто-нибудь читал. Однажды вечером в ее квартире раздался звонок.

– Триш Данн? – вежливо осведомилась незнакомая женщина.

– Да, с кем я говорю?

– Меня зовут Кэтрин Соломон.

Триш чуть не свалилась со стула. Сама Кэтрин Соломон?!

– Я только что прочитала вашу книгу «Ноэтика: современный подход к древней мудрости» и написала об этом в блоге!

– Да, знаю, – благосклонно ответила собеседница, – потому и звоню.

«Ну конечно...» – подумала Триш, чувствуя себя полной дурой. Даже выдающимся ученым не зазорно почитать о себе в Интернете.

– Ваш блог меня заинтриговал, – сказала Кэтрин. – Я и не знала, что моделирование метасистем так далеко продвинулось.

– Да, мэм, – оторопев, выдавила Триш. – Модели данных – стремительно развивающаяся технология с широкими возможностями применения...

Несколько минут они беседовали о работе Триш, обсуждали ее опыт в анализе, моделировании и прогнозировании роста информационных полей.

– Конечно, ваша книга мне не по зубам, – сказала Триш, – но даже я смогла увидеть, что области наших исследований пересекаются.

– В вашем блоге говорится, что моделирование метасистем может преобразить ноэтику?

– Именно. По-моему, метасистемы в состоянии сделать ноэтику настоящей наукой.

– Настоящей, говорите? – строго переспросила Кэтрин. – А сейчас она какая?

«Черт, вот ляпнула!»

– Э-э, я к тому, что сейчас ноэтика представляется мне скорее... эзотерической.

Кэтрин рассмеялась:

– Не бойтесь, я пошутила. Мне не привыкать к таким комментариям.

«Еще бы», – подумала Триш. Даже Калифорнийский институт ноэтических наук описывал эту область в малопонятных и невразумительных выражениях, называя ноэтику изучением «прямого и непосредственного доступа к знаниям, недоступным нашему разуму и обычным чувствам».

Само слово «ноэтика», как выяснила Триш, происходило от греческого «nous» – «душа, внутреннее знание».

– Словом, меня заинтересовали ваши разработки в области метасистем, – подытожила Кэтрин, – и перспективы их использования в моем проекте. Предлагаю встретиться, если вы не против. Я была бы очень признательна вам за консультацию.

«Кэтрин Соломон хочет проконсультироваться у меня?! А завтра Мария Шарапова спросит, как лучше держать ракетку...»

На следующий день к дому Триш подъехал белый «вольво». Из него вышла приятная хрупкая женщина в синих джинсах. Триш тут же почувствовала себя карлицей.

«Умная, богатая и стройная – где справедливость?»

Но скромность и простота Кэтрин быстро обезоружили Триш. Женщины устроились на веранде, с которой открывался чудесный вид.

– Потрясающе! – восхитилась Кэтрин.

– Спасибо. Мне повезло, еще в университете я написала одну программу и вовремя ее запатентовала.

– Программу для работы с метасистемами?

– Скорее, с их предшественником. После 11 сентября правительство перехватывало и анализировало огромные потоки информации – переписку частных лиц, звонки по мобильным телефонам, факсы, тексты, сайты... Все, посредством чего могли общаться террористы. И я написала программу, которая позволяла использовать эту информацию другим способом... как источник дополнительных разведанных. – Триш улыбнулась. – В общем, моя программа позволила измерить температуру нации.

– То есть?

Триш рассмеялась:

– Знаю, звучит дико, но программа, в сущности, измеряла эмоциональный накал Америки, служила своеобразным барометром коллективного сознания.

Триш объяснила, как судить о «настроении» страны по ее информационному полю, основываясь на повторяемости определенных ключевых слов и эмоциональных индикаторов. В спокойные времена язык эмоциональностью не отличается, в напряженные – наоборот. В случае террористических актов правительство может измерять перемены в американской «психике» и вводить президента в курс дела.

– Невероятно, – сказала Кэтрин, поглаживая подбородок. – То есть, по сути, вы исследуете все население страны... как единый организм.

– Точно. Как метасистему – единое образование, определяемое суммой компонентов. Человеческое тело, например, состоит из миллионов клеток, у каждой разные свойства и задачи, но все вместе они образуют единый организм.

Кэтрин оживленно закивала:

– Косяк рыб, птичья стая... Все особи двигаются, как один. Мы называем это

конвергенцией, или сцепленностью.

Триш почувствовала, что ее знаменитая гостья начинает понимать, как использовать метасистемы в своих исследованиях.

– Моя программа, – продолжила Триш, – была призвана помочь правительственным организациям лучше справляться с национальными бедствиями – пандемиями, терроризмом, природными катаклизмами. – Она помолчала. – Конечно, всегда есть риск, что этой информацией воспользуются для дурных целей: к примеру, можно сделать «снимок» общественных настроений и предсказать результаты выборов или состояние фондового рынка на момент открытия биржи...

– Впечатляет.

Триш указала на огромный особняк:

– Да, правительство тоже так подумало.

Серые глаза Кэтрин сосредоточились на ее лице.

– Триш, а как же нравственная дилемма?

– В смысле?

– Вы создали программу, которой могут злоупотребить. Ее владельцы имеют доступ к секретной информации. Вас не мучили сомнения?

Триш даже не моргнула.

– Нет, нисколько. Моя программа ничем не отличается от... ну, скажем, от летного тренажера: одни учатся пилотировать самолеты, чтобы оказывать первую помощь жителям развивающихся стран, а другие – чтобы врезаться в небоскребы. Знание – это инструмент, который можно использовать как во благо, так и во зло.

Кэтрин с одобрительным видом откинулась на спинку скамейки.

– Тогда позвольте задать вам гипотетический вопрос.

Триш вдруг почувствовала, что их разговор превратился в собеседование.

Кэтрин нагнулась, подняла с земли крошечную песчинку и показала ее Триш:

– Насколько я понимаю, суть ваших исследований в том, чтобы определить вес всего песка на пляже... взвесив одну-единственную песчинку.

– Да, в целом так.

– Как вы знаете, у этой песчинки есть масса, пусть даже очень незначительная...

Триш молча кивнула.

– Стало быть, она обладает и силой притяжения. Опять же, очень слабой, но все-таки.

– Верно.

– А теперь представьте, – сказала Кэтрин, – что триллионы таких песчинок собрали вместе и они образуют... скажем, луну. Тогда общей силы их притяжения хватит на то, чтобы вызывать приливы и отливы на нашей планете.

Триш не понимала, куда клонит Кэтрин, но то, что она слышала, ей нравилось.

– А теперь представьте, что у мысли... у любой, самой крошечной идеи, возникшей в вашем мозгу... есть масса. Что мысль материальна и имеет измеримую массу. Крошечную, разумеется, но тем не менее. Какие выводы можно сделать?

– Ну, если говорить гипотетически, то напрашивается очевидный вывод: раз у мысли есть масса, то она обладает силой притяжения и может притягивать предметы.

Кэтрин улыбнулась:

– Совершенно верно. Идем дальше: что, если тысячи людей сосредоточатся на одном и том же? Все эти мысли начнут сливаться в одну, и ее совокупная масса будет расти. А значит,

будет расти и сила притяжения.

– И?

– То есть... если достаточное количество людей будет думать об одном и том же, сила притяжения этой мысли станет осязаемой... Превратится в реальную силу. – Кэтрин подмигнула. – И окажет ощутимое влияние на материальный мир.

Директор Иноуэ Сато буравила взглядом Лэнгдона и переваривала новую информацию.

– Преступник велел вам открыть древний портал? И что прикажете с этим делать, профессор?

Лэнгдон беспомощно пожал плечами. Его опять мутило, и он старался не смотреть на отрезанную руку друга.

– Именно так... Я должен открыть древний портал, спрятанный где-то в этом здании. Я ответил, что знать не знаю ни о каком портале.

– Тогда с чего он взял, что вы сумеете его найти?

– Ясно же, он спятил!

«Еще он сказал, что Питер укажет путь».

Лэнгдон посмотрел на вытянутый палец Питера и содрогнулся при мысли о садистской игре слов.

«Питер укажет путь».

Профессор уже посмотрел, куда указывал палец – на купол. Портал наверху? Безумие!

– О моем приезде в Вашингтон знал только один человек, – сказал Лэнгдон. – Тот, кто мне звонил. Стало быть, вас известил он же. Рекомендую...

– Мои источники – не ваше дело, – перебила его Сато. – В настоящий момент моя первейшая задача – сотрудничать с этим человеком, и вы единственный, кто может раздобыть для него желаемое.

– А моя первейшая задача – найти друга, – раздраженно ответил Лэнгдон.

Сато вздохнула, явно теряя терпение.

– Если мы хотим найти Питера Соломона, то у нас может быть только один план действий, профессор, – выполнить требования человека, которому известно его местонахождение. – Сато посмотрела на часы. – Время идет. Надо как можно скорее выполнить требование преступника.

– Что?! – изумленно спросил Лэнгдон. – Вы предлагаете найти и открыть древний портал? Нет никакого портала, директор Сато! Он ненормальный!

Она приблизилась к профессору вплотную.

– Позвольте заметить... сегодня утром ваш «ненормальный» ловко обманул двух относительно неглупых людей. – Она перевела взгляд с Лэнгдона на Андерсона. – Грань между безумием и гениальностью очень тонка. Рекомендую проявить немного уважения к этому человеку.

– Он отрезал руку моему другу!

– Вот именно. Вряд ли это поступок неуверенного в своих действиях человека. Больше того, профессор, он твердо убежден, что вы можете ему помочь. Он заманил вас в Вашингтон – для этого у него должна быть веская причина.

– Питер якобы сказал ему, что я могу открыть портал! Вот и вся причина, – возразил Лэнгдон.

– И зачем Питеру было лгать?

– Уверен, он ничего подобного не говорил. А если и сказал, то под давлением. Он был растерян... или напуган.

– Верно. Называется «допрос с пристрастием» – весьма эффективный метод, между

прочим. Едва ли мистер Соломон стал бы лгать. – Сато говорила тоном человека, не понаслышке знающего о таких допросах. – Он объяснил, почему Питер назвал именно вас?

Лэнгдон покачал головой.

– Профессор, судя по вашей репутации, у вас с Питером много общих интересов – тайны, эзотерика, мистицизм и прочее. За время вашего знакомства он ни разу не говорил о каком-нибудь тайном вашингтонском портале?

Лэнгдон не мог поверить, что этот вопрос задает ему высокопоставленный сотрудник ЦРУ.

– Никогда. Мы с Питером беседовали о многих загадочных явлениях, но, поверьте, я бы посоветовал ему обратиться к врачу, упомяни он какой-нибудь древний портал. Тем более ведущий к Мистериям древности.

Сато насторожилась.

– Простите? Так этот человек уточнил, куда именно ведет портал?

– Да, хотя в этом не было нужды. – Лэнгдон указал на руку. – Рука мистерий – торжественное приглашение пройти сквозь мистические врата и познать древнюю мудрость, так называемые Мистерии древности... или утраченную мудрость всех времен.

– Значит, вы все-таки имеете представление о том, что за тайна здесь якобы скрыта.

– Эта «тайна» известна многим историкам.

– Тогда с чего вы взяли, что портал не существует?

– При всем уважении, мэм... Полагаю, вы слышали о Фонтане вечной молодости и о Шангри-ла, но это еще не значит, что они есть на самом деле.

Их перебил громкий треск андерсоновской рации.

– Шеф!

Андерсон рванул рацию с пояса.

– Слушаю.

– Сэр, мы обыскали всю территорию и не нашли никого, кто бы соответствовал описанию. Какие будут распоряжения?

Андерсон украдкой поглядел на Сато, ожидая упреков, но той словно было все равно. Он отошел от директора СБ и Лэнгдона, что-то тихо бормоча в рацию.

Сато не сводила глаз с профессора.

– Хотите сказать, тайна, сокрытая в Вашингтоне, – вымысел?

Лэнгдон кивнул:

– Очень старый миф. Легенда о Мистериях древности даже старше христианства, ей несколько тысяч лет.

– И о ней до сих пор помнят?

– Как и о многих других чудесах.

Лэнгдон частенько напоминал студентам, что в большинстве современных религий есть истории, не выдерживающие научной проверки: от Моисея, перед которым расступилось Красное море... до Джозефа Смита, при помощи волшебных очков переведшего Книгу Мормона с золотых пластин, найденных на севере штата Нью-Йорк.

«Широкое признание какой-либо идеи еще не говорит о ее реалистичности».

– Понятно. Ну и что собой представляют... эти Мистерии древности?

Лэнгдон вздохнул.

«Пара недель найдется?»

– Если коротко, Мистерии древности – это собрание тайных знаний, накопленных в

давние времена. Здесь есть любопытный аспект: тайные знания якобы наделяют допущенных к ним сверхъестественной силой, дремлющей в человеке. Адепты давали клятву о неразглашении этой мудрости, поскольку она якобы обладает огромной силой и опасна для непосвященных.

– Почему?

– А почему мы прячем от детей спички? В умелых руках огонь дарит свет... в неумелых – несет разрушение.

Сато сняла очки и внимательно посмотрела на Лэнгдона.

– Как по-вашему, профессор, информация такой силы действительно существует?

Роберт не знал, как лучше ответить. Мистерии древности представляли собой величайший парадокс в области научных исследований Лэнгдона. Любой мистический культ основывается на идее, что существует некая тайная мудрость, способная наделять человека сверхъестественной, почти божественной, силой: к примеру, с помощью карт таро и Книги перемен можно научиться предсказывать будущее, Философский камень якобы дарит бессмертие, действенные магические заклинания известны последователям Викки... Список продолжался до бесконечности.

Как исследователь, Лэнгдон не отрицал исторического наследия этих культов. Огромное количество документов и произведений искусства действительно указывало на существование некой тайной мудрости, скрытой в аллегориях, мифах и символах, дабы только посвященные могли воспользоваться ее силой. Но Лэнгдон – реалист и скептик – в это не верил.

– Вообще-то я скептик, – сказал он Сато. – Ни разу в жизни я не встречал подтверждений тому, что Мистерии древности не просто легенда и не повторяющийся мифологический архетип. Сдается, если бы люди действительно могли творить чудеса, на то были бы доказательства. Пока же история не предоставила нам ни одного человека со сверхъестественными способностями.

Сато приподняла брови.

– Тут я с вами не соглашусь.

Лэнгдон помедлил. В самом деле, для многих верующих такие люди-боги существовали, и самый известный из них – Иисус.

– Надо признать, немало образованных людей верит в чудотворную мудрость, но я не из их числа.

– А Питер Соломон? – спросила Сато, покосившись на отрезанную руку. Лэнгдон этого сделать не смог.

– Соломоны всегда питали страсть ко всему древнему и таинственному.

– Это значит «да»?

– Уверяю вас, даже если Питер Соломон верит в существование Мистерий древности, он вряд ли считает, что к ним ведет некий древний портал. В отличие от своего похитителя Питер знает толк в метафорах и символизме.

Сато кивнула.

– По-вашему, портал – это метафора.

– Конечно, – ответил Лэнгдон. – И очень распространенная – волшебный портал, сквозь который необходимо пройти, чтобы стать просвещенным. Порталы, двери, ворота обычно символизируют ритуал посвящения. Искать такой портал на Земле – все равно что пытаться найти райские врата.

Сато на секунду задумалась.

– Однако похититель мистера Соломона уверен, что вы можете открыть реально существующий портал.

Лэнгдон вздохнул:

– Он допустил обычную для фанатиков ошибку – перепутал метафору с реальностью.

Точно так же начинающие алхимики напрасно бились над превращением свинца в золото, не понимая, что это метафора открытия истинных человеческих возможностей: серый, невежественный разум превращается в просветленный.

Сато указала на руку.

– Если преступник хочет, чтобы вы открыли портал, почему он просто не скажет вам, где его найти? К чему весь этот театр? Зачем татуированная рука?

Лэнгдон и сам задавался этим вопросом, и ответ был удручающий.

– По-видимому, похититель высокообразован, хотя и неуравновешен психически. Рука мистерий – священное приглашение, которое необходимо вручать в священном месте.

Сато прищурилась.

– Это Ротонда Капитолия, профессор, а не какое-нибудь святилище.

– Вообще-то, мэм, – сказал Лэнгдон, – историки бы с вами не согласились.

В эту минуту Триш Данн сидела перед мерцающей плазменной стеной и заканчивала работу над «пауком», вводя в строку поиска пять ключевых фраз.

«Пустая трата времени».

Без особого оптимизма она запустила «паука» и начала интернет-рыбалку. В поисках точного совпадения ключевые фразы с головокружительной скоростью сравнивались с текстами по всему миру.

Триш, разумеется, было интересно, зачем все это нужно, однако она уже привыкла к тому, что Соломоны никогда ничего не объясняли.

Роберт Лэнгдон с тревогой взглянул на наручные часы: 19:58. На сей раз улыбчивая мордочка Микки-Мауса не слишком-то его ободрила.

«Надо найти Питера. Мы теряем время».

Сато на минутку отлучилась поговорить по телефону, но вскоре вернулась.

– Профессор, я вас задерживаю?

– Нет, мэм, – ответил Лэнгдон, пряча часы под манжету. – Просто я очень волнуюсь за Питера.

– Понимаю. Уверю вас, лучший способ его спасти – помочь мне понять образ мыслей его похитителя.

Как раз в этом Лэнгдон сомневался, но было ясно, что директор СБ ЦРУ отпустит его, только получив все необходимые сведения.

– Минуту назад вы заявили, что Ротонда – святилище, которое имеет отношение к Мистериям древности...

– Да, мэм.

– Объясните, что вы имеете в виду.

Лэнгдон понял, что должен тщательно отбирать слова и экономить время. Он целыми семестрами читал лекции о мистическом символизме в архитектуре Вашингтона – один только Капитолий насчитывал несметное количество мистических отсылок.

«У Америки есть тайное прошлое».

Всякий раз, когда Лэнгдон рассказывал студентам об американском символизме, их ставило в тупик то, что истинные цели отцов-основателей не имели ничего общего с намерениями современных политиков.

«Судьба, которую прочили Америке, потеряна для истории».

Первоначально столицу этой страны назвали Римом, реку – Тибром, а на ее берегу возвели город храмов и пантеонов, украшенный изображениями великих богов и богинь – Аполлона, Минервы, Венеры, Гелиоса, Вулкана, Юпитера. В центре города, как во многих античных городах, основатели установили египетский обелиск – вечную дань уважения древним. Он был выше даже каирского и александрийского и поднимался в небо на пятьсот пятьдесят пять футов (больше чем на тридцать этажей) – хваля и прославляя полубога, чье имя позже стало названием столицы.

Вашингтон.

Теперь, несколько веков спустя, несмотря на отделение церкви от государства, Ротонда пестрила античными религиозными символами. Ее украшало больше дюжины изображений разных богов – в римском Пантеоне и того меньше. Конечно, в 609 году последний стал христианским храмом, но этот пантеон никто и никогда не переосвящал. Следы его истинной истории оставались у всех на виду.

– Как вам наверняка известно, – сказал Лэнгдон, – Ротонда выстроена по образу и подобию одной из самых почитаемых мистических святынь – храма Весты.

– Вы о весталках? – Сато не верилось, что римские хранительницы очага имеют какое-то отношение к американскому Капитолию.

– Храм Весты в Риме был круглым, с отверстием в полу, где непорочные жрицы постоянно поддерживали священный огонь.

Сато пожалала плечами:

– Ротонда тоже круглая, но никакой дыры в полу я не вижу.

– Верно, однако долгие годы в самом центре зала было отверстие – именно там, где стоит рука Питера. Сейчас еще можно разглядеть следы ограждения – его установили, чтобы посетители не проваливались в дыру.

– Что? – Сато присмотрелась к полу. – Первый раз слышу.

– Похоже, он прав. – Андерсон указал на выпуклые металлические бляшки в полу, расположенные по кругу, на месте прежних столбов. – Я даже не подозревал, что это такое.

«Вы не одиноки», – подумал Лэнгдон и представил, как тысячи людей, включая известных конгрессменов, каждый день ходят по Ротонде и даже не догадываются, что в былые времена они упали бы под пол – в Крипту Капитолия.

– Дыру заделали, но долгое время посетители могли заглянуть в нее и увидеть костер, горевший внизу.

– Костер? В Капитолии? – удивилась Сато.

– Ну, скорее, факел – вечный огонь, превращавший этот зал в современный храм Весты. В Капитолии была даже весталка – федеральная служащая, именуемая Хранителем Крипты, которая благополучно поддерживала огонь в течение пятидесяти лет, пока – по милости политиков, религиозных деятелей и из-за дыма, якобы наносившего ущерб зданию, – от этого не отказались.

И Андерсон, и Сато не на шутку удивились.

Сегодня единственным напоминанием о священном пламени служила четырехконечная звезда, вмурованная в пол этажом ниже – символ американского вечного огня, однажды пролившего свет знаний на все четыре стороны Нового Света.

– Так вы считаете, что похититель Питера Соломона это знал? – спросила Сато.

– Конечно. И не только это. По всей Ротонде размещены символы, отражающие веру в Мистерии древности.

– Тайная мудрость... – с неприкрытым сарказмом проговорила Сато. – Знания, дарующие человеку божественные способности.

– Да, мэм.

– Не очень-то они соотносятся с христианскими устоями Соединенных Штатов.

– Возможно... Однако это правда. Превращение человека в бога называется «апофеозом». Известно ли вам, что эта тема – превращение человека в бога – ключевой элемент системы символов Ротонды?

– Апофеоз? – всполошился Андерсон, словно услышал что-то знакомое.

«Он тут работает. Он знает», – подумал Лэнгдон и кивнул.

– Да, «апофеоз» дословно переводится как «обожествление». Слово происходит от древнегреческого «аро» – «становиться» и «theos» – «бог».

– «Апофеоз» означает «становиться богом»? – изумленно проронил Андерсон. – Я понятия не имел.

– Я что-то упускаю? – вмешалась Сато.

– Мэм, – сказал Лэнгдон, – самая большая картина в этом здании называется «Апофеоз Вашингтона». На ней изображено превращение Джорджа Вашингтона в бога.

Сато недоверчиво скривилась.

– Не видела я здесь такой картины.

– Еще как видели! – Лэнгдон поднял указательный палец. – Она прямо у вас над головой.

В 1865 году итальянский художник Константино Брумиди закончил «Апофеоз Вашингтона» – фреску площадью четыре тысячи шестьсот шестьдесят четыре квадратных фута на своде капитолийской Ротонды.

Брумиди, прозванный «Микеланджело Капитолия», притязал на Ротонду так же, как Микеланджело притязал на Сикстинскую капеллу: расписав самое обширное полотно зала – то есть его потолок. Как и Микеланджело, многие свои работы Брумиди создал в Ватикане. Однако в 1852-м художник эмигрировал в Америку, предпочтя крупнейшей мировой святыне святыню новую: американский Капитолий, который теперь весь украшен образцами его творчества – от троплея в коридорах Брумиди до карнизов на потолке в покоях вице-президента. Однако величайшим шедевром живописца принято считать огромную фреску на своде Ротонды.

Роберт Лэнгдон поднял глаза на великолепный потолок. Обычно ему нравилось наблюдать за реакцией студентов на диковинную роспись, однако сегодня он чувствовал себя как в страшном сне, который только предстояло понять.

Директор Сато стояла рядом, подбоченившись, и хмуро разглядывала высокий свод. Ее, по-видимому, обуревали те же чувства, что и многих, кто впервые смотрел на картину в самом сердце Америки.

Полная растерянность.

«Вы не одиноки», – подумал Лэнгдон. Большинству людей «Апофеоз Вашингтона» казался все более странным по мере того, как они присматривались к фреске.

– На центральной панели изображен Джордж Вашингтон, – пояснил Лэнгдон, указав на середину купола. – Как видите, ему прислуживают тринадцать дев, а он, в белых одеждах, возносится на облаке над простыми смертными. Это миг апофеоза... то есть превращения Вашингтона в бога.

Сато и Андерсон промолчали.

– По периметру расположен ряд странных, архаичного вида, изображений: древние боги сообщают нашим отцам-основателям передовые знания. Вот Минерва дарует вдохновение нашим величайшим изобретателям – Бену Франклину, Роберту Фултону и Сэмюэлу Морзе. – Лэнгдон показал на каждого пальцем. – А здесь Вулкан помогает нам построить паровой двигатель. Рядом Нептун показывает, как проложить трансатлантический телеграфный кабель. Здесь изображена Церера, богиня урожая и плодородия (от ее имени происходит английское «seagal», «злаки»); она восседает на механической жатке Маккормика – изобретение этой машины позволило Америке стать мировым лидером в производстве пищевых продуктов. Словом, на этой фреске более чем открыто показано, как люди получают от богов великую мудрость. – Лэнгдон посмотрел на Сато. – Знание – сила, а правильное знание позволяет человеку творить чудеса и уподобиться богу.

Сато перевела взгляд на профессора и задумчиво потерла щеку.

– Чтобы проложить телеграфный кабель, богом быть не нужно.

– В наше время – нет, – ответил Лэнгдон, – но знай Джордж Вашингтон, что люди смогут говорить друг с другом через океаны, летать со скоростью звука и однажды ступят на Луну, он бы решил, что мы стали богами и умеем творить чудеса. Как писал футуролог и фантаст Артур Кларк, «любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

Сато в задумчивости поджала губы. Она взглянула на руку, затем подняла глаза к потолку.

– Профессор, вам сказали, «Питер укажет путь», верно?

– Да, мэм, но...

– Андерсон, – Сато отвернулась от Лэнгдона, – можно взглянуть на фреску поближе?

Тот кивнул.

– Да, по периметру свода установлены мостки.

Лэнгдон увидел прямо под фреской крошечные перила и похолодел.

– Вовсе не обязательно туда подниматься...

Лэнгдон уже бывал на этих мостках, когда приехал в Капитолий по приглашению одного сенатора и его жены. В тот день он чуть не упал в обморок от страха: высота была головокружительная, а мостки ненадежные.

– Не обязательно? – спросила Сато. – Профессор, наш преступник убежден, что в этом зале есть некий портал, способный сделать его богом; на потолке нарисован человек, превращающийся в бога; именно на эту картину указывает кисть Питера Соломона. Вам не кажется, что все так и просит нас подняться к фреске?

– Вообще-то, – вмешался Андерсон, поглядев наверх, – мало кому известно, но в куполе есть шестиугольный люк, который открывается, как портал. Можно заглянуть в него и...

– Постойте, – перебил его Лэнгдон, – вы не понимаете. Преступник имел в виду метафорический портал, которого не существует на самом деле. И фраза «Питер укажет путь» тоже иносказательна. Этот жест – рука с вытянутыми указательным и большим пальцами – известный символ Мистерий древности, он встречается во многих произведениях искусства. К примеру, его можно увидеть на трех самых известных зашифрованных картинах Леонардо да Винчи: «Тайная вечеря», «Поклонение волхвов» и «Иоанн Креститель». Это символ мистической связи человека с Богом.

«Как внизу, так и вверху». Странные слова безумца начали обретать для Лэнгдона смысл.

– Первый раз его вижу, – буркнула Сато.

«Тогда хоть раз включите спортивный канал», – подумал Лэнгдон. Ему всегда было забавно видеть, как профессиональные спортсмены, благодаря Бога за тачдаун или хоумран, воздевают руку к небу. Интересно, многие ли из них догадываются, что это дохристианская традиция признания высшей мистической силы, которая на короткий миг превратила их в бога, способного творить чудеса?

– Видите ли, – сказал Лэнгдон, – до руки Питера в Ротонде Капитолия была другая указующая рука.

Сато посмотрела на него как на ненормального.

– То есть?

Лэнгдон кивнул на ее наладонник.

– Наберите в поисковике «Джордж Вашингтон Зевс».

Сато с недоверчивым видом начала печатать. Андерсон с опаской подошел ближе и заглянул ей через плечо.

Лэнгдон сказал:

– Раньше в Ротонде стояла огромная статуя Джорджа Вашингтона... изображенного в виде бога. Он сидел в той же позе, что и Зевс в Пантеоне: грудь обнажена, в левой руке меч, а правая указывает вверх.

Сато, по-видимому, нашла нужную картинку, потому что Андерсон потрясенно уставился на экран ее блэкберри.

– Погодите, это Джордж Вашингтон?!

– Да, – кивнул Лэнгдон. – В виде Зевса.

– Смотрите, его правая рука в том же положении, что и рука мистера Соломона, – заметил Андерсон.

«Я же говорил, это не случайно».

Когда со статуи работы Горацио Гриноу впервые скинули покрывало, многие шутили, что Вашингтон тянется к небу в отчаянной попытке найти какую-нибудь одежду. Религиозные устои Америки со временем изменились, шутливая критика перешла в нападки, и статую в конце концов заперли в сарае восточного сада. Теперь она нашла приют в Смитсоновском национальном музее американской истории, где у тех, кто видит статую, нет поводов принять ее за последнюю связующую нить со временами, когда отец-основатель этой страны оберегал покой Капитолия подобно богу... подобно Зевсу, стерегущему Пантеон.

Сато набрала чей-то номер – по-видимому, она решила, что сейчас самое время позвонить кому-то из своих людей.

– Что-нибудь узнали? – спросила она. – Понятно. – Сато посмотрела на Лэнгдона, затем на руку. – Это точно? Хорошо, спасибо.

Она повесила трубку и повернулась к Лэнгдону:

– Мои сотрудники изучили необходимую литературу и подтвердили существование так называемой Руки мистерий с изображениями звезды, солнца, ключа, венца и фонаря на кончиках пальцев. Она действительно символизировала приглашение к познанию тайной мудрости.

– Я рад.

– Зря радуетесь, – отрезала Сато. – Похоже, мы в тупике – пока вы не перестанете скрывать от меня то, что знаете.

– Мэм?..

Сато подошла ближе.

– Мы прошли полный круг, профессор Лэнгдон. Вы не сообщили мне ничего, что не смогли бы выяснить мои сотрудники. Поэтому я повторяю вопрос: зачем похититель заманил вас в Вашингтон? Что в вас такого особенного? Что известно только вам?

– Я же говорил! – сердито ответил Лэнгдон. – Понятия не имею, с какой стати этот полоумный решил, что у меня вообще есть какие-то сведения!

Лэнгдона так и подмывало спросить, откуда Сато узнала о его приезде в Вашингтон, но это они тоже проходили.

«Она не расколется».

– Если бы я знал, что делать дальше, я бы сказал. Но я не знаю. По традиции Руку мистерий протягивал ученику учитель. Затем ученик получал ряд указаний... как добратся до храма, имя учителя, который обучит его... чему-то! Но преступник оставил нам только пять татуировок! Не самая... – Лэнгдон резко умолк.

Сато прищурилась.

– Что такое?

Лэнгдон вновь бросил взгляд на руку. «Пять татуировок». Теперь он понял, что, возможно, ошибался.

– Профессор? – не унималась Сато.

Лэнгдон медленно приблизился к жуткому предмету на полу.

«Питер укажет путь».

– Прежде мне приходило в голову, что похититель мог оставить в руке какую-нибудь вещь – карту, письмо или записку с адресом.

– Нет, – сказал Андерсон, – как видите, пальцы сжаты неплотно, и в ладони ничего нет.

– Верно, – согласился Лэнгдон, – но я подумал... – Он присел на корточки, стараясь заглянуть под пальцы. – Может, преступник писал не на бумаге.

– На коже? – уточнил Андерсон.

Лэнгдон кивнул.

– Ну, есть там что-нибудь? – нетерпеливо спросила Сато.

Он нагнулся еще ниже.

– Угол не тот. Я не могу...

– Ох, да бросьте! – воскликнула Сато, подходя ближе. – Отогните пальцы, и дело с концом!

Андерсон преградил ей путь.

– Мэм! Надо дожидаться криминалистов, а уж тогда...

– Мне нужны ответы, – заявила Сато, подходя к руке.

Она села на корточки и отодвинула Лэнгдона в сторону. Тот встал и с недоумением воззрился на директора СБ: Сато вытащила из кармана ручку, осторожно вставила ее под сомкнутые пальцы и по очереди их разогнула. Теперь ладонь была видна целиком.

Сато взглянула на Лэнгдона, и ее тонкие губы тронула улыбка.

– Опять вы оказались правы, профессор.

Меряя шагами лабораторию, Кэтрин Соломон подняла манжету халата и посмотрела на часы. Она была не из тех, кто привык ждать, а сегодня весь ее мир словно бы замер: ни результатов поискового запроса от Триш, ни приезда брата, ни звонка от странного человека, по вине которого ей сейчас было так не по себе.

«Лучше бы он ничего мне не рассказывал», – подумала Кэтрин. Она всегда с большой осторожностью знакомилась с новыми людьми, однако этот человек, которого она видела лишь однажды, сразу завоевал ее доверие.

«Целиком и полностью».

Он позвонил днем, когда Кэтрин, как всегда по воскресеньям, смаковала последние номера научных журналов.

– Мисс Соломон, – прозвучал необычайно приятный мужской голос, – меня зовут Кристофер Аваддон. Я бы хотел переговорить с вами о вашем брате.

– Простите, кто вы? – переспросила она. «Откуда у него номер моего мобильного?»

– Доктор Кристофер Аваддон.

Кэтрин впервые слышала это имя.

Ее собеседник откашлялся, словно ему стало неловко.

– Прошу прощения, мисс Соломон. Я думал, брат вам обо мне рассказывал. Я его врач. Ваш контактный номер он оставил на случай непредвиденных обстоятельств.

У Кэтрин екнуло в груди.

– Что произошло?!

– Наверняка ничего страшного, – поспешил заверить ее врач. – Ваш брат сегодня не явился на прием, и я не могу до него дозвониться. Обычно он всегда предупреждает, если не может прийти, вот я и беспокоюсь. Наверное, не нужно было звонить...

– Нет-нет, спасибо вам за заботу! – Кэтрин лихорадочно пыталась вспомнить, слышала ли она имя этого человека. – Мы с Питером не разговаривали со вчерашнего утра, но он скорей всего просто забыл включить телефон. – Кэтрин недавно подарила ему новый айфон, однако Питер до сих пор толком не разобрался в его функциях. – Значит, вы его врач?

«Питер скрывает, что болен?»

В трубке воцарилась гнетущая тишина.

– Ох, извините, пожалуйста... Очевидно, я только что допустил непростительную профессиональную ошибку, позвонив вам. Мистер Соломон говорил, что вам известно о его визитах ко мне, но теперь я вижу, что это не так.

«Мой брат солгал своему врачу?»

Кэтрин не на шутку разволновалась.

– Он болен?

– Простите, мисс Соломон, врачебная тайна не позволяет мне обсуждать с кем-либо здоровье вашего брата. И уж конечно, не следовало говорить вам, что он мой пациент. На этом давайте прощаемся, но, если он выйдет на связь, передайте, чтобы сразу же мне позвонил.

– Пойдите! – воскликнула Кэтрин. – Умоляю, скажите, что с ним такое?

Доктор Аваддон вздохнул, коря себя за допущенную ошибку.

– Мисс Соломон, не стоит огорчаться... хотя я прекрасно вас понимаю. Не волнуйтесь, с

вашим братом все хорошо. Он только вчера был у меня.

– Вчера? А следующий визит назначен на сегодня? Выходит, это серьезно.

Доктор тяжело вздохнул.

– Давайте подождем еще чуть-чуть, прежде чем...

– Я еду к вам, – перебила его Кэтрин. – Где вы находитесь?

Тишина.

– Доктор Аваддон? Я и сама найду ваш адрес, но будет проще, если вы мне его продиктуете. В любом случае я скоро приеду.

Он помолчал.

– Если мы встретимся, мисс Соломон, будьте добры, не говорите об этом брату, пока мне не представится шанс объяснить свою оплошность.

– Хорошо.

– Благодарю. Мой офис в районе Калорама-Хайтс. – Он назвал адрес.

Через двадцать минут Кэтрин Соломон уже колесила по величавым улицам престижного жилого района. Сначала она позвонила на все номера брата – безрезультатно. Ее не так уж волновало, где сейчас Питер, но весть о том, что он тайно посещает врача, обеспокоила Кэтрин не на шутку.

Наконец отыскав нужный дом, Кэтрин растерялась.

«И здесь находится кабинет врача?»

Вход в роскошный особняк преграждали кованые ворота, оборудованные камерами; за воротами простиралась обширная зеленая лужайка. Кэтрин притормозила, чтобы уточнить адрес. Одна из камер тут же повернулась в ее сторону, и в следующий миг ворота распахнулись. Кэтрин осторожно подъехала к дому и остановила машину у гаража на шесть машин, рядом с длинным лимузином.

«Ничего себе врач!..»

Она вышла из машины. В ту же секунду входная дверь особняка отворилась, и на пороге возник элегантный мужчина. Он был красив, необычайно высок и довольно молод – по голосу Кэтрин решила, что он старше. Тем не менее доктор выглядел изысканно и отличался лоском, какой обычно свойственен мужчинам в возрасте, – безупречный костюм с галстуком, идеально уложенные светлые волосы...

– Мисс Соломон, я доктор Кристофер Аваддон, – произнес он легким, воздушным шепотом.

Они пожали друг другу руки – кожа у него была мягкая и ухоженная.

– Кэтрин Соломон, – представилась она, стараясь не смотреть на его чересчур гладкое и загорелое лицо.

«Он что, мажется тональным кремом?»

С растущей тревогой она вошла в роскошно обставленный холл. Откуда-то звучала классическая музыка, и пахло так, словно где-то курили фимиам.

– У вас очень красиво, – сказала Кэтрин, – но я ожидала увидеть более рабочую обстановку.

– Мне повезло, я могу работать дома. – Доктор Аваддон пригласил ее в гостиную и подвел к камину, в котором потрескивал огонь. – Чувствуйте себя как дома. Я заварил чай – сейчас принесу, и мы с вами побеседуем. – Он ушел на кухню.

Кэтрин Соломон не села. Она научилась доверять женской интуиции, и что-то в этом доме было неладно – по спине даже побежали мурашки. Гостиная, обставленная

антиквариатом, совершенно не походила на приемную врача. На стенах висели картины со странными античными сюжетами. Кэтрин остановилась перед большим полотном с тремя грациями – их обнаженные тела были выписаны яркими, живыми красками.

– Это Майкл Паркс, масло. – Доктор Аваддон бесшумно возник за ее спиной, неся поднос с горячим чаем. – Сядем у камина? – Он жестом предложил ей кресло. – У вас нет причин нервничать.

– Я не нервничаю, – слишком быстро ответила Кэтрин.

Он тепло улыбнулся.

– Видите ли, это моя работа – чувствовать, когда люди нервничают.

– Простите?

– Я психиатр, мисс Соломон. Это моя профессия. Ваш брат ходит ко мне уже больше года. Я его лечащий врач.

Кэтрин недоуменно воззрилась на доктора.

«Мой брат лечится у психиатра?»

– Часто пациенты не желают афишировать лечение такого рода. Я допустил грубую ошибку, позвонив вам, но в свое оправдание могу сказать, что ваш брат сбил меня с толку.

– Я... я понятия не имела.

– Простите, что заставил вас понервничать, – с искренним сожалением проговорил доктор Аваддон. – Кстати, я заметил, что вы приглядываетесь к моему лицу. Да, я пользуюсь косметикой. – Он смущенно потрогал щеку. – У меня кожная болезнь, которую я предпочитаю скрывать. Обычно крем наносит жена, но, когда она в отъезде, приходится полагаться на собственные неумелые руки.

Кэтрин кивнула, не в силах вымолвить ни слова от стыда.

– А эти чудесные волосы, – он тронул свою пышную шевелюру, – парик. Кожная болезнь затронула волосяные луковицы, и все мои волосы сбежали с корабля. – Доктор пожал плечами. – Наверное, тщеславие – мой единственный грех: чересчур много внимания уделяю внешности.

– В таком случае мой грех – невоспитанность.

– Что вы! – Аваддон обезоруживающе улыбнулся. – Начнем, пожалуй, с чая?

Они устроились у камина, и Аваддон взялся за чайник.

– Ваш брат приучил меня пить чай во время наших встреч. Он говорит, все Соломоны – большие любители чая.

– Да, семейная традиция, – кивнула Кэтрин. – Черный, пожалуйста.

Несколько минут они пили чай и разговаривали о пустяках, но Кэтрин не терпелось узнать о брате.

– Так почему Питер вас посещает? – спросила она.

«И почему он не сказал об этом мне?» Да, на долю Питера выпало немало горя – в юности он потерял отца, а потом, с перерывом в пять лет, похоронил единственного сына и мать. Однако он всегда отыскивал способ не отчаиваться и жить дальше.

Аваддон отпил чаю.

– Ваш брат обратился ко мне, потому что может мне доверять. Я для него не просто врач, нас связывают более тесные узы. – Он кивнул на стену, где висел какой-то документ в рамочке, похожий на диплом. Кэтрин разглядела двуглавого феникса.

– Вы масон?

«Да еще и самой высокой степени!»

– Видите ли, мы с Питером в некотором роде братья.

– Вы, наверно, совершили что-то выдающееся, раз вас посвятили в тридцать третий градус.

– Не совсем, – ответил Аваддон. – Мне досталось немалое наследство, и я часто поддерживаю масонские благотворительные фонды.

Теперь Кэтрин поняла, почему ее брат так доверяет молодому врачу.

«Масон с большим состоянием, вдобавок меценат и интересуется историей.

Похоже, у доктора Аваддона было много общего с ее братом.

– Когда я спросила, почему мой брат вас посещает, я имела в виду немного другое: не то, почему он выбрал именно вас, а зачем ему вообще понадобились услуги психиатра?

Доктор Аваддон улыбнулся:

– Да, я понял. Просто хотел вежливо уйти от ответа. Мне нельзя обсуждать с вами дела моего пациента. – Он замолчал. – Однако, должен признать, я несколько озадачен. Почему он скрывает от вас наши беседы? Ведь они имеют непосредственное отношение к вашей работе.

– К моей работе?! – воскликнула Кэтрин, пойманная врасплох.

«Брат рассказал кому-то о моих экспериментах?»

– Недавно ваш брат советовался со мной насчет психологических последствий, которые могут иметь ваши недавние открытия.

Кэтрин чуть не поперхнулась чаем.

– В самом деле?.. Удивительно, – выдавила она.

«Неужели Питер проболтался о моей работе своему психиатру?»

В целях соблюдения секретности брат и сестра договорились, что ни в коем случае и ни с кем не станут обсуждать происходящее в лаборатории. Мало того, на строгой конфиденциальности настаивал именно Питер.

– Мисс Соломон, вы, разумеется, понимаете, что ваш брат очень беспокоится, какой эффект произведут ваши исследования, когда о них узнает весь мир. Питер приезжал ко мне обсудить возможные последствия... психологического характера.

– Понятно, – ответила Кэтрин. Чашка в ее руках слегка дрожала.

– Мы с Питером поднимали сложные вопросы: что случится с людьми после того, как великие тайны мироздания наконец будут открыты? Что произойдет, если то, что многие принимали на веру, окажется фактом? Или, напротив, вымыслом? Не лучше ли оставить некоторые вопросы без ответа?

Кэтрин не верила собственным ушам, однако старалась не дать воли чувствам.

– Доктор Аваддон, поймите меня правильно, я бы предпочла не обсуждать с вами мою работу. Я не собираюсь оглашать результаты исследований, и до поры до времени мои открытия надежно спрятаны в лаборатории.

– Интересно... – Аваддон в задумчивости откинулся на спинку кресла. – Так или иначе, я посоветовал вашему брату прийти сегодня, потому что вчера у него произошел срыв. В таких случаях я обычно прошу клиентов...

– Срыв? – Сердце Кэтрин забилось быстрее. – То есть нервный? – Ее брат никогда не страдал нервными расстройствами.

– Я вижу, что огорчил вас, – ласково обратился к ней Аваддон. – Простите меня. Учитывая неловкие обстоятельства, мне понятно ваше желание получить ответы на тревожащие вас вопросы.

– Мои желания тут ни при чем. Родных, кроме брата, у меня нет. Никто не знает его лучше, чем я, так что если вы расскажете, что стряслось, я постараюсь вам помочь. Мы оба хотим Питеру только добра.

На несколько секунд доктор Аваддон умолк, а затем медленно закивал, словно признавая правоту Кэтрин. Наконец он проговорил:

– Мисс Соломон, видите ли, если я решу поделиться с вами этой информацией, то лишь потому, что ваши догадки могут помочь в лечении Питера.

– Разумеется.

Аваддон подался вперед и оперся локтями на колени.

– Мисс Соломон, с тех пор, как ваш брат начал ко мне ходить, я заметил, что в глубине души он постоянно борется с чувством вины. Я никогда не давил на него – Питер приходит не для этого. И все-таки вчера, по ряду веских причин, я задал ему этот вопрос. – Аваддон посмотрел Кэтрин в глаза. – Ваш брат излил мне душу – весьма неожиданно и бурно. Он наговорил такого, чего я не ожидал услышать. В частности, он подробно описал события того вечера, когда убили вашу мать.

«Канун Рождества – почти десять лет назад. Она умерла у меня на руках».

– По словам Питера, вашу мать убил грабитель, искавший в доме некий предмет.

– Так и было.

Аваддон смерил ее испытующим взглядом.

– И Питер застрелил того человека.

– Верно.

Аваддон погладил подбородок.

– А вы помните, что именно искал грабитель?

Вот уже десять лет Кэтрин тщетно пыталась об этом забыть.

– Да, ему была нужна какая-то вещь, но никто из нас не понимал, о чем он говорил. Его требования не имели никакого смысла.

– Ну, для вашего брата они имели смысл.

– Что? – Кэтрин резко выпрямилась.

– Если верить вчерашнему рассказу, Питер точно знал, что именно нужно грабителю, но не захотел расстаться с этой вещью, вот и сделал вид, будто ему ничего не известно.

– Бред! Питер не мог это знать. Грабитель нес какую-то околесицу!

– Любопытно... – Доктор Аваддон сделал несколько пометок в блокноте. – Как я уже сказал, ваш брат заявил, что знал обо всем. Он считает, если бы пошел на условия грабителя, ваша мать осталась бы жива. Эта мысль – корень всех его мучений.

Кэтрин потрясла головой.

– Безумие...

Аваддон огорченно понурил голову.

– Мисс Соломон, благодарю вас за информацию. Как я и боялся, ваш брат сейчас немного оторван от реальности... Признаться, из-за этих опасений я и пригласил его на повторный прием. Бред – нередкое явление, когда дело доходит до болезненных воспоминаний.

Кэтрин покачала головой:

– Питер – здравомыслящий и рассудительный человек.

– Да, но...

– Что «но»?

– Рассказ о событиях того вечера был только началом... крошечной частью длинной и неправдоподобной истории.

Кэтрин подалась вперед.

– Что он вам наговорил?

Аваддон печально улыбнулся:

– Мисс Соломон, позвольте задать вопрос: брат когда-нибудь обсуждал с вами нечто спрятанное в Вашингтоне... или говорил, что стережет бесценное сокровище... некую древнюю мудрость?

Кэтрин была изумлена.

– О чем это вы?

Доктор Аваддон протяжно вздохнул.

– Я расскажу вам нечто такое, что глубоко вас потрясет, Кэтрин. – Он умолк и посмотрел ей в глаза. – И я буду несказанно признателен за любые дополнительные сведения по этому поводу. – Он потянулся к ее чашке. – Еще чаю?

«Еще одна татуировка!»

Лэнгдон с тревогой опустился на колени рядом с раскрытой кистью Питера и изучил семь крошечных символов, прежде скрытых прижатыми к ладони пальцами.

– Это цифры, – удивленно сказал Лэнгдон. – Но они ни о чем мне не говорят.

– Первое – римское числительное, – заметил Андерсон.

– Вряд ли. Цифры IIIX не существует, вероятно, имелась в виду цифра: VII.

– А остальные? – спросила Сато.

– Точно не скажу... Похоже, это арабские 885.

– Арабские? Вроде самые обычные.

– Наши обычные цифры и есть арабские. – Лэнгдон так привык объяснять это студентам, что подготовил лекцию о вкладе восточных культур в мировую науку. Одним из их достижений была современная система счисления, обладающая такими преимуществами перед римской, как позиционная нумерация и наличие нуля. В конце лекции Лэнгдон обычно напоминал, что именно арабская культура подарила человечеству слово «al-kuhl» – название любимого напитка гарвардских первокурсников. Алкоголь.

Лэнгдон озадаченно посмотрел на цифры.

– Я даже не уверен, что это 885. Слишком уж прямые линии. Вдруг это не цифры?

– А что?

– Не знаю. Вся татуировка напоминает... руны.

– То есть? – не поняла Сато.

– Рунические буквы состояли из одних прямых линий, потому что их было проще высекать на камне.

– Если это руны, то что они значат?

Лэнгдон покачал головой. Он хорошо знал только один рунический алфавит, футарк – германскую форму письменности III века, а это был не футарк.

– Честно говоря, я даже не уверен, что это руны. Надо спросить специалиста. Известно множество рунических алфавитов: безлинейное руническое письмо хольсинг, коротковетвистые мэнские руны, «пунктированные» руны стунгнар...

– Питер Соломон – масон, не так ли?

Лэнгдон растерялся.

– Да, но при чем тут это? – Он встал, нависнув над крошечной женщиной.

– Вот вы мне и скажите. Вы говорили, что рунические буквы вырезали на камнях, а первые масоны, насколько я понимаю, были каменщиками. Я попросила своих специалистов узнать, какое отношение Рука мистерий может иметь к Питеру Соломону, и поиск выдал единственный результат. – Сато умолкла, словно подчеркивая важность своей находки. – Масоны.

Лэнгдон вздохнул. Будь его воля, он сказал бы Сато то же самое, что говорил студентам: «Поиск в “Гугле” – не синоним “научных изысканий”». В наше время, когда для поиска по ключевым словам открыты огромные массивы информации, складывается ошибочное

впечатление, что все на свете взаимосвязано. Мир опутан единой информационной паутиной, которая с каждым годом становится все плотнее и плотнее.

Лэнгдон собрал в кулак все свое терпение и ответил:

– Неудивительно, что ваши специалисты наткнулись на масонов. Вольные каменщики – более чем очевидная связь между Питером Соломоном и множеством других эзотерических тем.

– Верно, – согласилась Сато. – Потому и странно, что за весь вечер вы ни разу не упомянули братство вольных каменщиков. В конце концов, вы рассказывали о некой древней мудрости, доступной лишь избранным. Это не наводит вас на мысль о масонах?

– Наводит... а заодно на мысль о розенкрейцерах, каббалистах, алюмбрадах и других эзотерических обществах.

– Однако Питер Соломон – масон, и очень влиятельный. Всякий раз, как речь заходит о тайнах, масоны невольно приходят на ум – вот уж кто любит мутить воду!

Лэнгдон услышал недоверие в этих словах, и ему стало неприятно.

– Если хотите узнать что-нибудь о масонах, лучше спросите их самих.

– Я спрошу того, кому можно доверять.

Ее ответ показался Лэнгдону невежественным и обидным.

– Для справки, мэм, вся масонская философия построена на принципах честности и открытости. Масоны – одни из самых надежных людей, каких вам только повезет встретить в жизни.

– Существуют весьма убедительные доказательства обратного...

С каждой минутой директор Сато нравилась Лэнгдону все меньше и меньше. Долгие годы он изучал богатый символизм и обширную иконографию масонов, а потому знал, что масонство – одно из самых незаслуженно клейменых и недопонятых обществ в мире. Регулярно обвиняемые то в поклонении дьяволу, то в стремлении захватить власть над миром, масоны предпочитали не отвечать на критику и оттого становились легкой мишенью.

– Как бы то ни было, – едко заметила Сато, – мы снова в тупике, мистер Лэнгдон. Вы либо чего-то не видите... либо недоговариваете. Человек, который нам нужен, сказал, что Питер Соломон выбрал именно вас. – Она смерила Лэнгдона ледяным взглядом. – Полагаю, пришло время перенести наш разговор в стены ЦРУ. Может, там вас озарит.

Лэнгдон даже не обратил внимания на эту угрозу. В голове у него крутились слова: «Питер Соломон выбрал вас». Эта фраза на фоне упоминания масонов подействовала на него странным образом. Лэнгдон взглянул на масонский перстень: одна из самых ценных вещей Питера, семейная реликвия с выгравированным двуглавым фениксом – главным символом масонской мудрости. Золото сверкнуло, и эта вспышка неожиданно высветила в сознании Лэнгдона полузабытое воспоминание.

Он содрогнулся, словно вновь услышав жуткий шепот преступника: «Что, никак не доходит, профессор? Вы понимаете, почему выбрали именно вас?»

В эту секунду все мысли Лэнгдона встали на места, и туман рассеялся.

Лэнгдон ясно понял, зачем его заманили в Вашингтон.

* * *

В десяти милях от Капитолия Малах катил на юг по Сьютлэнд-парквей. На соседнем

сиденье завибрировал айфон Питера Соломона, доказавший сегодня свою полезность. На экране появилось изображение привлекательной темноволосой женщины средних лет.

«Входящий вызов – Кэтрин Соломон».

Малах улыбнулся, но трубку не взял.

«Судьба влечет нас друг к другу».

Днем он заманил Кэтрин Соломон к себе домой с единственной целью – узнать, не владеет ли она важной информацией... какой-нибудь семейной тайной, которая поможет Малаху найти искомое. Однако брат, по всей видимости, ничего не рассказывал Кэтрин.

И все же кое-что новое Малах узнал.

«Так и быть, проживешь еще несколько часов».

Кэтрин подтвердила, что все ее исследования проводятся в одной-единственной лаборатории, а их результаты надежно укрыты там же.

«Лабораторию надо уничтожить».

Исследования Кэтрин были призваны открыть врата к пониманию мира. В приотворенную дверь немедленно устремятся все, и тогда глобальные перемены станут лишь делом времени.

«Я этого не допущу. Мир должен пребывать в том же состоянии... в крошечной тьме невежества».

Айфон пискнул, извещая о новом голосовом сообщении. Малах его включил.

«Питер, это опять я. – Голос у Кэтрин был встревоженный. – Где ты? Я все еще думаю о разговоре с доктором Аваддоном... и очень волнуюсь. Все нормально? Пожалуйста, перезвони. Я в лаборатории».

Малах улыбнулся.

«Лучше бы ты волновалась за себя».

Он свернул со Сьютлэнд-парквей на Силвер-Хилл-роуд и уже через милю заметил справа от шоссе смутные очертания ЦТП СМ, уютно устроившегося среди деревьев. По периметру комплекс окружал забор из колючей проволоки.

«Надежно спрятана, говоришь? – Малах усмехнулся. – Ничего, мне откроют двери».

Открытие словно окатило Лэнгдона мощной волной.

«Теперь ясно, зачем я здесь».

Стоявшему в центре Ротонды Лэнгдону неудержимо захотелось убежать... прочь от руки Питера, от сияющего золотого перстня, от подозрительных взглядов Сато и Андерсона. Вместо этого он замер на месте и вцепился в ремешок портфеля, висевшего у него на плече.

«Надо выбираться отсюда».

Он стиснул зубы, вспомнив, что произошло в Гарварде несколько лет назад. Как обычно, после бассейна, в шесть часов утра Лэнгдон вошел к себе в кабинет, вдыхая привычные запахи мела и парового отопления. Он сделал два шага к доске и вдруг остановился.

У стола его дожидался какой-то человек – элегантно одетый джентльмен с орлиным носом и благородными серыми глазами.

– Питер! – изумленно воскликнул Лэнгдон.

Белоснежная улыбка Питера Соломона сверкнула в полумраке.

– Доброе утро, Роберт. Не ожидал меня увидеть? – Он говорил тихо, но в его голосе чувствовалась сила.

Лэнгдон бросился к старому другу и тепло пожал ему руку.

– Надо же, голубая кровь Йеля в стане Багряных! – заметил он, намекая на традиционные цвета соперничающих между собой университетов. – Да еще ни свет ни заря. Какими судьбами?

– Секретная операция в тылу врага, – рассмеялся Соломон и одобрительно посмотрел на подтянутый живот Лэнгдона. – Плавание идет тебе на пользу – отлично выглядишь!

– Это я нарочно, чтобы ты почувствовал себя старым, – поддразнил его Лэнгдон. – Страшно рад тебя видеть. Как дела?

– Да вот, небольшая командировка, – ответил Питер, окидывая взглядом пустую аудиторию. – Прости, что так нагрязнул, но у меня всего несколько минут. Я хотел попросить тебя... об одной услуге.

«Неожиданно. Что я могу сделать для человека, у которого есть все?» – подумал Лэнгдон.

– Проси чего хочешь, – ответил он, радуясь возможности хоть как-то помочь своему благодетелю – тем более на долю Питера Соломона выпало столько горя.

Соломон понизил голос:

– Я прошу тебя кое за чем присмотреть.

Лэнгдон закатил глаза.

– Только не за Геркулесом!

Однажды Лэнгдон согласился приютить на время огромного мастиффа Питера. Вскоре пес заскучал по своей любимой кожаной жевалке и быстро нашел ей достойную замену – рукописную иллюстрированную Библию начала XVII века. Лэнгдон решил, что выговором Геркулес не отделается.

– Ты же знаешь, я ищу равноценный экземпляр, – робко улыбнувшись, сказал Соломон.

– Брось, я даже рад, что Геркулес увлекся религией.

Соломон рассмеялся, но как-то натянуто.

– Роберт, я прошу тебя присмотреть за очень важной для меня вещью. Она перешла в мое

распоряжение довольно давно, однако хранить ее у меня дома или в офисе небезопасно.

Лэнгдону стало не по себе. «Очень важная вещь» наверняка стоила целое состояние.

– А чем тебе банки не угодили?

«Состояние семьи хранится в половине банков Америки!»

– Придется подписывать кучу бумаг, разговаривать со служащими... Я бы предпочел надежного друга. К тому же ты умеешь хранить секреты. – Соломон достал из кармана небольшой сверток и вручил его профессору.

Питер заинтриговал Лэнгдона, и потому он рассчитывал увидеть нечто более примечательное. Выцветшая оберточная бумага, перевязанная бечевкой, по-видимому, скрывала небольшую квадратную шкатулку. Судя по весу и размеру свертка, внутри шкатулки лежал какой-то каменный или металлический предмет.

«И это все?»

Лэнгдон повертел сверток в руках и заметил, что бечевка с одной стороны запечатана сургучом, как древний свиток. На печати виднелся двуглавый феникс с числом 33 на груди – традиционный символ высшего масонского градуса.

– Брось, Питер! – Лэнгдон криво усмехнулся. – Ты Досточтимый Мастер масонской ложи, а не Папа Римский! Используй печать по назначению?

Соломон взглянул на свой перстень и рассмеялся:

– Этот сверток запечатал не я, Роберт, а мой прадед. Почти век назад.

Лэнгдон вскинул голову:

– Что?!

Соломон показал ему перстень.

– Печатка принадлежала ему, потом моему деду, затем отцу и, наконец, мне.

Лэнгдон поднес сверток к глазам.

– Твой прадед запечатал шкатулку сто лет назад, и с тех пор никто ее не открывал?!

– Верно.

– Но... почему?

Соломон улыбнулся:

– Еще не время.

– Для чего?!

– Роберт, понимаю, это звучит странно, однако чем меньше ты знаешь, тем лучше.

Просто спрячь шкатулку подальше и никому о ней не рассказывай.

Лэнгдон всмотрелся в его лицо – уж не шутит ли? Соломон частенько устраивал забавные розыгрыши... Вдруг и на этот раз он решил подшутить над другом?

– Питер, надеюсь, ты не нарочно разыгрываешь эту сценку, чтобы я решил, будто мне доверили страшную масонскую тайну, и из любопытства вступил в ваши ряды?

– Масоны не стремятся пополнять ряды братства, ты же знаешь, Роберт. Тем более ты уже говорил, что не хочешь вступить.

И то правда. Лэнгдон питал глубокое уважение к масонской философии и символизму, но все же решил не проходить обряд посвящения. Клятва помешала бы ему рассказывать о братстве студентам – по той же причине Сократ когда-то отказался официально участвовать в Элевсинских мистериях.

Рассмотрев загадочную шкатулку и масонскую печать, Лэнгдон не удержался и задал очевидный вопрос:

– Почему ты не доверишь этот предмет кому-нибудь из братьев?

– Скажем, я считаю, что вне братства он будет в большей безопасности. И не думай, что это какой-нибудь пустяк, раз поместился в крохотную шкатулку. По словам отца, эта вещь обладает огромной силой. Нечто вроде талисмана.

«Я не ослышался?»

Талисман – предмет, обладающий магической силой. Традиционно считается, что они приносят удачу, оберегают от злых духов или служат для проведения ритуалов.

– Питер, ты в курсе, что талисманы вышли из моды еще в Средние века?

Соломон терпеливо положил руку на плечо Лэнгдона.

– Конечно, Роберт, все это звучит дико. Мы давно с тобой знакомы, и скептицизм – одна из сильнейших черт твоего характера. Но именно скептицизм и делает тебя уязвимым. Я не могу просить тебя *поверить*... лишь *довериться*. Пожалуйста, доверься мне: это очень сильный талисман. Говорят, он наделяет своего хозяина даром создавать порядок из хаоса.

Лэнгдон удивленно воззрился на друга. «Ordo ab chao», «Порядок из хаоса», – древнейший масонский девиз. Однако сама мысль о том, что талисман наделяет человека каким-либо даром, была абсурдна, не говоря уж о даре упорядочивать хаос.

– Эта вещь опасна в руках непосвященных. К несчастью, у меня есть основания полагать, что за ней будут охотиться очень влиятельные люди. – Лэнгдон никогда не видел, чтобы у Питера был такой серьезный взгляд. – Пожалуйста, спрячь ее и храни у себя. Ладно?

В тот вечер Лэнгдон вертел сверток в руках, сидя за кухонным столом, и пытался представить, что может быть внутри. В конце концов он попросту списал все на эксцентричность Питера, убрал шкатулку в библиотечный сейф и благополучно о ней не вспоминал.

До сегодняшнего утра.

Утром ему позвонил незнакомец с южным акцентом.

– А, профессор, чуть не забыл! – опомнился секретарь, предоставив Лэнгдону все необходимые для поездки сведения. – Мистер Соломон просил вас еще об одной услуге.

– Да? – Мысленно Лэнгдон уже готовился к предстоящему выступлению.

– Он оставил записку. – Секретарь прочел ее вслух, с трудом разбирая почерк Питера: – «Пожалуйста, попроси Роберта... привезти... маленький запечатанный сверток, который я дал ему много лет назад». – Он умолк. – Ну как, поняли, о чем речь?

Лэнгдон с удивлением вспомнил шкатулку, которая все это время пролежала в его сейфе.

– Вообще-то да.

– И вы можете это привезти?

– Конечно, так ему и передайте.

– Чудесно! – с облегчением сказал секретарь. – Удачного вам выступления и счастливого пути.

Перед выходом из дома Лэнгдон вынул из сейфа завернутую в бумагу шкатулку и убрал ее в портфель.

Теперь он стоял в Ротонде Капитолия и был уверен только в одном: Питер Соломон пришел бы в ужас, если б узнал, как Лэнгдон его подвел.

«Господи, Кэтрин была права. Как обычно».

Триш Данн изумленно смотрела на результаты поиска, высвечивающиеся на плазменной стене один за другим. Она думала, что поиск вообще не даст результатов, однако их оказалось больше десятка. И они продолжали поступать.

Особенно многообещающей выглядела одна запись.

Триш повернулась в сторону библиотеки и крикнула:

– Кэтрин! Посмотрите, что я нашла!

Последний раз Триш запускала такого «паука» пару лет назад, и тогда подобный поиск ничего бы не принес. Однако с тех пор количество оцифрованного материала в мире так возросло, что найти можно было буквально все... Сегодняшние результаты не на шутку ее поразили. Одно из ключевых слов Триш вообще видела впервые, но нашлось и оно.

В аппаратную ворвалась Кэтрин.

– Что у вас?

– Целая куча результатов! – Триш показала на плазменную стену. – В каждом из этих документов есть все названные вами ключевые слова.

Кэтрин убрала волосы за уши и начала читать.

– Только не слишком обнадеживайтесь, – добавила Триш. – Большая часть этих документов вам не подходит. Их еще называют «черными дырами». Посмотрите на размеры файлов, они просто огромные. Это архивы миллионов писем, многотомные энциклопедии, доски объявлений, выложенные в Сеть много лет назад, и все в таком роде. Благодаря большому размеру и разнородному содержанию в них скопилось столько потенциальных ключевых слов, что они «засасывают» любые поисковые запросы.

Кэтрин показала пальцем на запись вверху списка.

– А это?

Триш улыбнулась. Кэтрин все поняла и немедленно заметила единственный файл небольшого размера.

– А вы глазастая. Да, пока это наш единственный кандидат. Документ совсем крошечный, буквально на страницу.

– Открывайте, – напряженно проронила Кэтрин.

Триш не могла и представить, как на одной странице могут поместиться все ключевые фразы Кэтрин. Тем не менее они там были – красовались на самом виду.

Кэтрин подошла ближе, не сводя глаз с плазменной стены.

– Документ... урезанный?

Триш кивнула.

– Добро пожаловать в мир цифровых текстов.

Автоматическое исключение части информации перед выкладыванием оцифрованного текста в Сеть давно стало обычной практикой. Сервер разрешает пользователям выполнять поиск по всему документу, однако на экран выводит лишь «выжимку», непосредственное окружение запрошенных ключевых слов. Выпуская большую часть текста, сервер не только избегает нарушения авторских прав, но и как бы говорит пользователю: «У меня есть необходимая тебе информация; если хочешь ее получить, придется раскошелиться».

– Как видите, – сказала Триш, прокручивая вымаранную страницу, – в документе

содержатся все нужные слова.

Кэтрин потрясенно воззрилась на текст.

Через минуту Триш вернулась к началу страницы. Ключевые слова были выделены прописными буквами, а по обеим сторонам от них сервер оставил еще одно-два слова.

██████████

██████████

██████████ тайник в ПОДЗЕМЕЛЬЕ, где ██████████

██████████ ... ██████████

██████████

██████████ В ВАШИНГТОНЕ, координаты ██████████

██████████ ... ██████████

██████████

██████████ найден ДРЕВНИЙ ПОРТАЛ, ведущий к ██████████

██████████

██████████ ... ██████████

██████████

██████████ предупреждение, что ПИРАМИДА таит опасн ██████████

██████████ ... ██████████

██████████

██████████ расшифровать СИМБОЛОН, чтобы раскрыть ██████████

██████████

██████████

██████████

Триш не представляла, о чем идет речь в этом документе.

«И что такое «симболон»?!»

Кэтрин в нетерпении подошла к экрану.

– Откуда этот текст? Кто его написал?

Триш уже начала это выяснять.

– Одну секунду, я найду сервер.

– Мне нужен автор, – напряженно повторила Кэтрин, – и полный текст!

– Я пытаюсь, – ответила Триш, напуганная внезапным холодом в голосе начальницы.

Как ни странно, обычного веб-адреса у документа не было, только IP.

– Не получается пробить IP и выяснить название домена, – сказала Триш. – Погодите, сейчас запущу трассировку.

Она ввела в командную строку несколько команд, чтобы получить данные всех промежуточных узлов между ее компьютером и сервером, на котором хранился загадочный документ.

– Начинаю.

Трассировка прошла мгновенно: почти сразу на экране высветился длинный список

сетевых устройств. Триш прокрутила его ниже... еще ниже... мимо всех маршрутизаторов и узлов к самому...

«Что за чертовщина?»

Трассировка остановилась, не дойдя до нужного сервера. Сетевое устройство не откликнулось на запрос, а как будто его поглотило.

– Мой запрос заблокировали, – проронила Триш.

«Так вообще бывает?»

– Попробуйте еще раз.

Триш опять запустила трассировку – и вновь ничего.

– Нет, бесполезно. Видимо, документ лежит на сервере, который невозможно вычислить. – Она взглянула на предыдущие узлы. – Но могу сказать, что находится он где-то в Вашингтоне.

– Шутите?

– Нисколько. Впрочем, оно и понятно: такие «пауки» всегда работают по спирали, начиная с местных ресурсов. Тем более в ваших ключевых словах было название города.

– А как насчет запроса «whois»? – предложила Кэтрин. – Разве он не поможет установить хозяина домена?

«Немного примитивное решение, но почему бы не попробовать?»

Триш вошла в базу данных «whois» («кто есть кто») и запустила поиск по IP-адресам, надеясь, что загадочные цифры все же совпадут с именем какого-нибудь домена. Поиск не дал результатов, и Триш развела руки, сдаваясь.

– Такого IP-адреса не существует. О нем нет никаких данных.

– Но он есть! Мы только что видели документ, который там хранится.

«Ваша правда».

Вот только хозяин документа предпочел скрыть свою личность.

– Не знаю, что и сказать. Я в трассировке IP-адресов мало что смыслю, разве к хакерам обратиться...

– А вы кого-нибудь знаете?

Триш воззрилась на начальницу.

– Кэтрин, я пошутила! Это незаконно и вообще...

– Но они смогут пробить IP? – Кэтрин взглянула на часы.

– Ну да... По идее это очень легко.

– Так вы кого-нибудь знаете?

– Хакеров-то? – Триш рассмеялась. – Это половина моих бывших коллег!

– Кому из них можно доверять?

«Она серьезно?!»

По глазам Кэтрин было видно, что да, более чем.

– Ну... знаю я одного парня, – выпалила Триш, – работал у нас специалистом по безопасности – мозги что надо. Хотел со мной встречаться, а я не горела желанием, но человек хороший... Ему можно доверять. Вдобавок принимает заказы.

– А молчать умеет?

– Он же хакер, конечно, умеет! Правда, запросит не меньше тысячи долларов за...

– Звоните. Предложите вдвое больше за быстрый ответ.

Триш не знала, чего ей хотелось меньше – помочь Кэтрин нанять хакера... или звонить парню, которому до сих пор не верилось, что рыжая пышка из отдела анализа метасистем

отвергла его ухаживания.

– Не передумаете?

– Лучше звоните из библиотеки, – сказала Кэтрин, – там засекреченный номер. И, естественно, про меня ни слова.

– Хорошо.

Она уже направилась к двери, когда вдруг пискнул айфон Кэтрин – пришло сообщение. Триш остановилась на полпути: может, ее освободят от неприятного поручения? Кэтрин достала из халата телефон, взглянула на экран и облегченно выдохнула.

«Наконец-то!»

Сообщение было от брата.

– Брат написал, – сказала Кэтрин.

Триш с надеждой посмотрела на начальницу.

– Может, сначала посоветуемся с ним, а уж потом позвоним хакеру?

Кэтрин снова прочла текст на плазменной стене, и у нее в голове прозвучали слова доктора Аваддона: «То, что, по мнению вашего брата, спрятано в Вашингтоне... можно найти». Кэтрин уже не знала, чему верить, но этот документ хотя бы проливал свет на безумные идеи, которыми вдруг увлекся Питер.

Она покачала головой.

– Я хочу знать, кто написал текст и где он хранится. Звоните.

Триш нахмурилась и вышла за дверь.

Объяснит документ тайну Питера или нет – неизвестно, но одна тайна сегодня уже раскрылась: брат наконец-то разобрался в подаренном Кэтрин айфоне.

– Ах да, и свяжитесь с журналистами! – крикнула она вдогонку Триш. – Объявим, что Питер Соломон набрал первое в жизни эс-эмэс!

Малах стоял возле лимузина на парковке торгового центра напротив ЦТП СМ, разминал ноги и дожидался звонка, который должен был вот-вот раздаться. Дождь прекратился, и сквозь тучи пробивался свет зимнего месяца. Такой же свет падал на Малаха сквозь потолочное окно три месяца назад, в Масонском храме, во время посвящения.

Желудок опять заурчал. В двухдневном посту удовольствия немного, но что поделать, таков древний ритуал. Скоро все физические неудобства перестанут иметь значение.

Стоя на холодном ветру, Малах усмехнулся: подумать только, судьба привела его к маленькой церкви! Между стоматологическим центром «Стерлинг дентал» и продуктовым магазином пристроилась крохотная церковка: «ДОМ СЛАВЫ БОЖЬЕЙ».

На окне висела табличка с одним из основных положений церкви: «ВЕРУЕМ, ЧТО ИИСУС, ИСТИННЫЙ БОГ И ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЗАЧАТ СВЯТЫМ ДУХОМ И РОЖДЕН ДЕВОЙ МАРИЕЙ».

Малах улыбнулся.

«Да, Иисус и впрямь был Богом и человеком, но божественность не обязательно обретают через непорочное зачатие. Все происходит иначе».

Вечернюю тишину пронзил телефонный звонок. На сей раз верещал мобильный Малаха – одноразовая дешевка, купленная вчера. Именно этого звонка Малах и ждал.

Местный вызов. Малах бросил взгляд через Силвер-Хилл-роуд на смутные очертания зигзагообразной крыши, видневшейся из-за деревьев. Малах открыл крышку телефона и нарочито низким голосом проговорил:

– Доктор Аваддон.

– Это Кэтрин, – прозвучал женский голос. – Питер наконец-то вышел на связь.

– О, славно! Как у него дела?

– Он сейчас едет ко мне в лабораторию, – ответила Кэтрин. – Видите ли, он пригласил туда и вас.

– Простите? – удивился Малах. – В... лабораторию?

– Должно быть, Питер полностью вам доверяет. Прежде он никого сюда не приглашал.

– Наверно, он счел, что мой визит поможет нашим беседам, однако мне не стоит навязываться...

– Раз уж вас пригласил мой брат, значит, вы действительно желанный гость. Ему многое нужно сказать нам обоим, да и я хочу наконец во всем разобраться.

– Что ж, ладно. Где находится лаборатория?

– Вы знаете адрес Центра технической поддержки Смитсоновского института?

– Нет, – ответил Малах, глядя прямо на центр, – но я сейчас в машине, у меня есть навигатор. Какой точный адрес?

– Силвер-Хилл-роуд, 4210.

– Понял, подождите немного, я напечатаю. – Малах выждал десять секунд и воскликнул: – О, да я, оказывается, совсем рядом! Навигатор говорит, что до вас ехать десять минут.

– Отлично. Я позвоню на пункт охраны и попрошу вас пропустить.

– Спасибо!

– До скорой встречи.

Малах положил телефон в карман и еще раз взглянул на ЦТП.

Как это невежливо – пригласить самого себя!

Улыбнувшись, он достал айфон Питера Соломона и полюбовался сообщением, которое отправил несколько минут назад.

Получил твои сообщ. Все норм. Был занят, про встречу с Аваддоном забыл. Извини, что не сказал о нем раньше – долгая история. Еду в лаб. Если д-р А. сможет, пусть приедет. Я ему доверяю, и мне многое нужно сказать вам обоим.

Разумеется, от Кэтрин уже пришел ответ:

Питер, поздравляю, ты научился писать эсэмэски! Рада, что все норм. Позвонила д-ру А., он приедет. До встречи!

Малах сел на корточки и засунул айфон между колесом и асфальтом. Телефон сослужил ему добрую службу... но теперь от него надо избавиться, иначе аппарат могут выследить. Малах сел за руль и медленно покотил вперед. Раздался громкий треск.

Вновь припарковав машину, Малах еще раз посмотрел на нечеткий силуэт ЦТП. «Десять минут». В богатом музее Питера Соломона хранилось свыше тридцати тысяч сокровищ, однако Малаху были нужны только самые ценные.

Все исследования Кэтрин Соломон.

И сама Кэтрин.

– Профессор Лэнгдон? – окликнула Сато. – Вы как будто привидение заметили! Что с вами?

Лэнгдон поправил портфель, висевший на плече, и положил на него руку, словно защищая. Лицо у него посерело – он сам это чувствовал.

– Я... просто волнуюсь за Питера.

Сато вскинула голову и прищурилась.

Лэнгдону вдруг пришло на ум, что участие Сато в этом деле может быть связано с таинственной шкатулкой, доверенной ему Питером. Он ведь предупреждал Лэнгдона: «За ней будут охотиться очень влиятельные люди... Эта вещь опасна в руках непосвященных». Непонятно только, зачем ЦРУ могла понадобиться шкатулка с талисманом... и что это за талисман.

«Порядок из хаоса?»

Сато подошла ближе и испытующе уставилась на Лэнгдона.

– Вас, случаем, не осенило?

Лэнгдон взмок.

– Нет... не совсем.

– О чем вы думаете?

– Да просто... – Лэнгдон помедлил, не зная, что ответить. Он вовсе не собирался рассказывать Сато о шкатулке, однако если его повезут в ЦРУ, то на входе в любом случае обыщут. – Вообще-то... у меня появилась еще одна догадка. Насчет татуированных цифр.

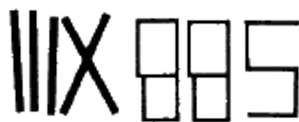
Сато хранила невозмутимое выражение лица.

– Слушаю? – Она мельком взглянула на Андерсона, который только что вернулся, встретив команду криминалистов.

Лэнгдон сглотнул и присел на корточки рядом с рукой, соображая, что сказать.

«Ты же учитель, Роберт! Импровизируй!»

Он последний раз взглянул на семь крошечных символов, надеясь найти в них какое-нибудь вдохновение.

«Ничего. Пусто».

Покопавшись в энциклопедии символов, хранившейся в его мозгу, Лэнгдон нашел только одну зацепку. Эта мысль приходила ему в самом начале, однако он быстро ее отмел. Сейчас она хотя бы поможет выиграть время для размышлений.

– Ну, – начал он, – специалист по символам должен сразу понять, что сбился с пути, если для расшифровки того или иного послания ему придется прибегать к различным символическим языкам. Например, я сказал вам, что здесь использованы две системы счисления: римская и арабская. Выходит, я никудышный специалист, ведь это совершенно разные языки. То же касается римских цифр и рунического алфавита.

Сато скрестила руки на груди и приподняла брови.

– Ну и?

– Как правило, коммуникация происходит на одном языке, поэтому первая задача при

расшифровке любого текста – найти единую систему символов, подходящую ко всем его частям.

– И вы ее нашли?

– Ну да... и нет. – Опыт изучения чередующейся симметрии амбиграмм не прошел для Лэнгдона даром. Теперь он знал, что символы могут иметь разные значения в зависимости от угла, под которым на них смотришь. С этой точки зрения семь символов на руке Питера вполне укладывались в одну систему.

– Если немного повернуть руку, то язык становится понятен.

На это указывала и герметическая формула, названная преступником в самом начале: «Как вверху, так и внизу».

Лэнгдон неохотно протянул руку к деревянному основанию, на котором держалась ампутированная кисть Питера. Он осторожно перевернул основание, так что вытянутые пальцы стали указывать в пол, и символы на ладони преобразились.

– Под таким углом XIII становится обычным римским числительным – тринадцать, а арабские цифры превращаются в латиницу: SBB.

Лэнгдон предполагал, что новая комбинация цифр и букв вызовет лишь недоуменные взгляды, но Андерсон вдруг изменился в лице.

– SBB?! – воскликнул он.

Сато обернулась.

– Если не ошибаюсь, в Капитолии это сочетание имеет смысл.

Андерсон побледнел.

– Верно.

Сато зловеще улыбнулась и кивнула начальнику полиции:

– Пройдемте со мной, надо переговорить.

Пока директор Сато уводила Андерсона в сторону, Лэнгдон оторопело стоял на месте. «Что тут происходит, черт возьми? И что такое SBB XIII?»

Андерсон не переставал удивляться происходящему. На руке написано «SBB XIII»? Странно, что постороннему известно такое сочетание букв... не говоря уж о цифрах. Палец Питера Соломона указывал не вверх, как им сначала показалось... а в обратном направлении.

Директор Сато подвела его к бронзовой статуе Томаса Джефферсона, где было сравнительно тихо.

– Андерсон, насколько я понимаю, вам известно точное местонахождение SBB XIII?

– Конечно.

– Что там хранится?

– Не знаю. Туда никто не ходил лет десять, если не больше.

– Что ж, придется сходить.

«С какой стати она указывает мне, что делать в собственном здании?»

– Мэм, это проблематично. Прежде надо посмотреть, кому принадлежит SBB XIII. Видите ли, большинство подвальных помещений – частные кабинеты или склады, а по протоколу службы безопасности...

– Вы откроете SBB XIII, – перебила его директор, – или я вызову сюда бригаду с тараном.

Андерсон возрился на Сато, затем медленно вынул рацию и поднес ее к губам.

– Говорит Андерсон. Необходимо открыть SBB. Пришлите туда кого-нибудь через пять минут.

Ему ответил растерянный подчиненный:

– Шеф, я не ослышался, вы сказали «SBB»?

– Да. Немедленно отправьте туда человека. И пусть захватит фонарь.

Он убрал рацию. Сато подошла к нему вплотную и зашептала:

– Андерсон, время идет. Не теряйте его.

– Да, мэм.

– У меня к вам еще одна просьба.

«Вдобавок ко взлому и несанкционированному проникновению?»

Андерсон не имел права возражать, однако от его внимания не ушло, что Сато явилась в Ротонду через несколько минут после обнаружения руки и теперь пользуется ситуацией, чтобы попасть в сектор Капитолия, находящийся в пользовании частных лиц. Директор Службы безопасности ЦРУ настолько опережала события, что буквально сама их обуславливала.

Сато кивнула в сторону профессора:

– Портфель Лэнгдона.

Андерсон покосился туда же.

– Что с ним?

– Охрана при входе наверняка сделала рентгеновский снимок?

– Конечно, мы сканируем все сумки.

– Узнайте, что внутри.

Андерсон опять посмотрел на Лэнгдона.

– А... не проще спросить его самого?

– Что вам не понятно в моем распоряжении?

Андерсон по рации передал охранникам распоряжение Сато. Она дала ему электронный адрес своего блэкберри и велела как можно скорее переслать рентгеновский снимок. Андерсон неохотно согласился.

Криминалисты хотели увезти ампутированную кисть в полицию Капитолия, однако Сато распорядилась доставить ее своей команде в Лэнгли. У Андерсона не было сил возражать – его раздавил маленький японский бульдозер.

– А перстень давайте сюда! – крикнула она вслед криминалистам.

Главный технический специалист хотел было возразить, но потом передумал и покорно опустил перстень, снятый с застывшего пальца, в прозрачный пакет. Сато убрала его в карман.

– Профессор, мы уходим, – скомандовала она.

– Куда?

– Следуйте за мистером Андерсоном.

«Угу... – подумал начальник охраны. – И лучше не отставайте».

В секторе SBB довелось побывать очень немногим. Попасть туда можно только через лабиринт крошечных комнат и узких коридоров, скрывающихся под криптой. Младший сын Авраама Линкольна, Тэд, однажды заблудился там и едва не погиб. Андерсон начал

подозревать, что, если Сато добьется своего, Лэнгдона может постичь та же участь.

Специалист по безопасности систем Марк Зубианис всегда гордился своим даром одновременно выполнять несколько дел. Сейчас он сидел на диване, а вокруг него расположились: пульт от телевизора, трубка радиотелефона, ноутбук, карманный компьютер и большая миска чипсов. Вполглаза следя за игрой «Редскинз» и поглядывая на монитор ноутбука, Зубианис разговаривал, используя устройство для беспроводной связи, с женщиной, от которой больше года не было ни слуху ни духу.

«Мечтали поболтать по телефону во время решающего матча? Обращайтесь к Триш Данн!»

Бывшая коллега, в который раз доказав свою оторванность от общества, решила, что именно во время матча «Редскинз» с Марком лучше всего пофлиртовать – а заодно и попросить об одолжении. Триш напомнила ему о прошлом, не преминула заметить, что соскучилась по его шуткам, и перешла к делу: она, мол, пытается пробить засекреченный IP-адрес сервера, вероятно, расположенного в Вашингтоне. На сервере лежит некий документ, который и нужно достать... или хотя бы раздобыть информацию о его владельце.

– Звонишь кому надо, но не вовремя, – ответил ей Зубианис.

Триш засыпала его самыми лестными (впрочем, вполне заслуженными) похвалами, какими только можно пронять компьютерщика, и Зубианис сам не заметил, как вбил странный IP в свой ноутбук.

С первого взгляда на IP он заподозрил неладное.

– Триш, у адреса необычный формат. Этого протокола еще нет в открытом доступе. Документ наверняка правительственный или военный.

– Военный? – Триш рассмеялась. – Поверь мне, я только что просмотрела «выжимку» этого документа – он точно не военный!

Зубианис вызвал командную строку и попробовал выполнить трассировку.

– Говоришь, твой запрос не прошел?

– Да, я два раза пыталась. Останавливается на одном и том же узле.

– Мой тоже. – Зубианис запустил программу обнаружения ошибок. – А зачем тебе этот IP?

– Я написала делегатор, и тот нашел мне урезанный документ. Я бы рада заплатить за полную версию, но не могу выяснить, кто владелец сервера и как туда попасть.

Зубианис нахмурился.

– А тебе очень надо? Смотрю, защита у них... неслабая.

– Потому тебе и предлагают большие деньги.

За такое плевое дело ему действительно посулили целое состояние. Он призадумался.

– Триш, один вопрос. Чего тебе дался этот IP?

Она помолчала.

– Меня попросили об услуге.

– Должно быть, просил кто-то особенный.

– Ну да, она особенная.

Зубианис прыснул, но от колкостей удержался.

«Так и знал!»

– Слушай, – нетерпеливо сказала Триш, – ты пробьешь IP или нет?

– Да, пробью. И да, я знаю, что пляшу под твою дудку.

– Сколько тебе нужно времени?

– Немного, – ответил Зубианис, уже печатая. – В пределах десяти минут или около того я проберусь на сервер. Как только пойму, где я, сразу тебе позвоню.

– Спасибо огромное, Марк. А вообще как дела?

«Неужели спросила?»

– Триш, Бога ради, ты звонишь посреди футбола! Что, поболтать вдруг захотелось? Мне хакнуть этот IP или нет?

– Спасибо, Марк, я страшно тебе признательна. Жду звонка.

– Пятнадцать минут. – Зубианис повесил трубку, схватил миску с чипсами и приглушил звук телевизора.

«Ох уж эти женщины...»

«Куда меня ведут?»

Лэнгдон торопливо шел за Андерсоном и Сато в глубь Капитолия, и сердце у него колотилось все быстрее. Их путь начался с западной галереи Ротонды – оттуда они спустились по мраморной лестнице и повернули в обратном направлении, войдя в знаменитый зал, расположенный прямо под Ротондой.

Крипта Капитолия.

Воздух здесь был тяжелее, и Лэнгдон ощутил первые признаки клаустрофобии. Низкий потолок и тусклый свет подчеркивали массивность сорока дорических колонн, поддерживающих огромный каменный пол Ротонды.

«Спокойно, Роберт».

– Нам сюда. – Андерсон свернул налево и пошел через круглый зал.

К счастью, именно в этой крипте никаких покойников не было, лишь несколько статуй, макет Капитолия и помост под балдахином, на который во время похорон ставили гроб. Однако компания промчалась по Крипте, не взглянув даже на четырехконечную звезду в центре пола, где раньше горел Вечный огонь.

Андерсон явно спешил, а Сато с головой ушла в свой наладонник. Лэнгдон слышал, что сотовая связь есть даже в самых глухих закоулках Капитолия – для сотен ежедневных правительственных звонков.

Пройдя Крипту по диагонали, трое попали в слабо освещенный вестибюль, а затем принялись петлять по извилистым коридорам с бесчисленными дверями – на каждой был идентификационный номер. Лэнгдон шел и читал: «S154... S153...S152...»

Он понятия не имел, что находится за этими дверями, но хоть одно теперь прояснилось: татуировка на ладони Питера «SBB XIII» – номер какой-то комнаты в недрах Капитолия.

– Что это за двери? – Лэнгдон крепче прижал к себе портфель и задумался, какое отношение шкатулка Соломона могла иметь к двери под номером SBB 13.

– Офисы и склады, – ответил Андерсон и добавил, косясь на Сато: – Частные.

Та даже не оторвалась от своего блэкберри.

– Они вроде совсем крошечные, – заметил Лэнгдон.

– Да, помпезные кладовки по сути, но другой такой востребованной недвижимости в Вашингтоне еще поискать. Это сердце первоначального Капитолия: старый зал заседаний сената в двух этажах над нами.

– А SBB XIII? – спросил Лэнгдон. – Чей это офис?

– Ничей. SBB – частное хранилище, и я несколько удивлен...

– Андерсон, – перебила его Сато, не отрываясь от наладонника. – Ведите, не отвлекайтесь.

Он стиснул зубы и молча повел их через странного вида помещение – гибрид камеры хранения и лабиринта. Почти на каждой стене висели таблички и стрелки, указывающие на те или иные комнаты в паутине коридоров.

S142 – S152...

ST1 – ST70...

H1 – H166 и HT1 – HT67...

Лэнгдон подумал, что в одиночку ни за что бы отсюда не выбрался.

«Это же настоящий лабиринт!»

Насколько он понял, буквы «S» и «H» говорили о том, что комната находится либо на стороне сената (Senate), либо на стороне палаты представителей (House of Representatives). Зоны, обозначенные ST и HT, находились на террасном этаже.

«А где же тогда SBB?»

Наконец они подошли к тяжелой стальной двери с электронным замком, прорезью для карты и табличкой:

ЭТАЖ SB

«Значит, уже близко».

Андерсон неохотно потянулся за карточкой – ему были не по душе требования Сато.

– Мне всю ночь здесь торчать? – поторопила его она.

Андерсон вставил карту в прорезь, открыл стальную дверь, и они вошли в находившийся за ней тамбур. Замок щелкнул, и дверь затворилась.

На это Лэнгдон точно не рассчитывал: вниз уходила еще одна лестница.

– Опять?! – изумленно спросил он. – Под криптой есть еще этаж?

– Да, – ответил Андерсон. – SB расшифровывается как Senate Basement, цокольный этаж, сторона сената.

Лэнгдон застонал. «Лучше не придумаешь!»

За последний час свет фар на подъездной дороге к ЦТП показался впервые. Охранник прилежно убавил громкость на переносном телевизоре и спрятал чипсы под стойку. «Вот принесла нелегкая...» «Редскинз» как раз заканчивали первый игровой момент, и охраннику вовсе не хотелось его пропускать.

Он еще раз прочел имя, записанное в блокноте. «Доктор Кристофер Аваддон». Только что Кэтрин Соломон предупредила о скором прибытии гостя.

«Видать, доктор ваш свое дело знает, раз на черном лимузине катается...»

Длинный обтекаемый автомобиль остановился рядом с будкой, и со стороны водителя опустилось стекло.

– Добрый вечер! – сказал шофер – мускулистый здоровяк с бритой головой. Из салона доносились звуки радио – передавали футбольный матч. – У меня доктор Кристофер Аваддон. Приехал по приглашению Кэтрин Соломон.

Охранник кивнул.

– Документы, пожалуйста.

Шофер удивился:

– Разве мисс Соломон вас не предупредила?

Охранник кивнул и украдкой покосился на телевизор.

– Да, но мне все равно нужно посмотреть документы и занести данные в журнал. Простите, таковы правила. Удостоверение личности доктора Аваддона, пожалуйста.

– Ладно, сейчас. – Шофер обернулся назад и что-то тихо проговорил по внутренней связи. Охранник тем временем опять покосился на телевизор: «Редскинз» заканчивали обсуждение.

«Отделаться бы от этого лимузина, пока не началось!»

Шофер вновь повернулся к охраннику и протянул водительские права, которые, видимо, ему передали через перегородку.

Охранник взял карточку и быстро ее просканировал. Права принадлежали некоему Кристоферу Аваддону из Калорама-Хайтс. На фото был привлекательный блондин в синем пиджаке, при галстукке и с шелковым платком в нагрудном кармане.

«Кто ж так наряжается в автоинспекцию?»

Со стороны телевизора донеслись приглушенные крики толпы. Охранник развернулся к экрану: игрок «Редскинз» приплясывал в очковой зоне, тыча пальцем в небеса. «Пропустил!» – вздохнул охранник и отдал шоферу права.

– Все нормально! Можете проезжать.

Лимузин поехал, и охранник тут же уткнулся в телевизор, надеясь на повтор.

Подъезжая по извилистой дороге к ЦТП, Малах не смог сдержать улыбки. В секретный музей Питера Соломона попасть оказалось нетрудно. Что еще приятнее, Малах проникал в его личное пространство уже второй раз за сутки. Вчера он нанес похожий визит в дом Питера.

У Соломонов было великолепное имение в Потомаке, но большую часть времени Питер проводил в вашингтонском пентхаусе, на последнем этаже фешенебельного комплекса «Дорчестер-армс». Это здание, как и полагается домам богачей, выглядело неприступной

крепостью: высокие стены, охраняемые ворота, списки гостей, подземная парковка.

Подъехав в лимузине к сторожевой будке, Малах учтиво приподнял шоферскую фуражку и церемонно, словно вез самого герцога Йоркского, объявил: «Доктор Кристофер Аваддон прибыл по приглашению мистера Питера Соломона».

Охранник открыл журнал и попросил удостоверение личности.

– Все верно, мистер Соломон ожидает доктора Аваддона. – Он нажал кнопку и открыл ворота. – Мистер Соломон живет на самом верху, в пентхаусе. Вам нужен последний лифт справа.

– Благодарю. – Малах козырнул и проехал в ворота.

На парковке он тщательно высматривал камеры наблюдения, но ни одной не заметил. Видимо, жильцы дома были не из тех, кто может обчистить чужую машину, и не из тех, кто любит лишнее внимание.

Малах припарковался в темном углу, рядом с лифтами, опустил перегородку между салоном и водительским местом и протиснулся назад. Там он снял фуражку и надел светлый парик. Разгладив пиджак и галстук, он посмотрел в зеркало – не смазался ли тональный крем. Сегодня Малах не хотел рисковать.

«Уж слишком я долго ждал».

Несколько секунд спустя он вошел в частный лифт – тот бесшумно и быстро поднялся на верхний этаж. Дверь открылась в элегантно обставленное фойе, где гостя уже поджидал хозяин дома.

– Добро пожаловать, доктор Аваддон!

Малах заглянул в знакомые серые глаза, и сердце забилось быстрее.

– Мистер Соломон, спасибо, что согласились меня принять!

– Прошу, зовите меня Питер. – Они пожали друг другу руки. Малах заметил золотой перстень... на той самой руке, что когда-то целилась в него. В голове прозвучал шепот из далекого прошлого: «Если спустишь курок, я буду преследовать тебя до конца жизни».

– Проходите, пожалуйста. – Соломон провел Малаха в уютную гостиную, из больших окон которой открывался великолепный вид на Вашингтон.

– Неужели я чувствую аромат свежесваренного чая? – спросил Малах.

Соломон был приятно удивлен.

– Да, мои родители всегда угощали гостей чаем, а я продолжаю семейную традицию. – На столике перед камином стоял чайный сервиз. – Сахар, молоко?

– Нет, спасибо, предпочитаю черный.

И опять во взгляде Соломона отразилось приятное удивление.

– Да вы пурист! – Он разлил чай по чашкам. – Вы говорили, что хотите обсудить со мной что-то личное...

– Да, спасибо, что согласились уделить мне время.

– Мы теперь братья-масоны. Расскажите, чем я могу помочь.

– Сначала я бы хотел поблагодарить вас за оказанную честь – посвящение в тридцать третью степень. Для меня это очень важно.

– Благодарю вас, но имейте в виду, такие решения не принимаются в одиночку. Голосовал весь Верховный совет.

– Разумеется. – Малах подозревал, что Питер Соломон мог проголосовать и против него, однако среди масонов, как и везде, деньги имели первостепенное значение. Через месяц после получения тридцать второго градуса Малах сделал добровольное мультимиллионное

пожертвование от имени Великой масонской ложи. Этот щедрый жест быстро поднял его на последнюю, тридцать третью ступень.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Atonement – расплата, искупление. One – один, единый (*англ.*). – *Здесь и далее примеч. пер.*